

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В.В.ВИНОГРАДОВА

На правах рукописи

МАРИНОВА Елена Вячеславовна

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА В РУССКОЙ РЕЧИ
КОНЦА XX-НАЧАЛА XXI вв.:
ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Специальность 10.02.01 - русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Москва 2008

Работа выполнена в Отделе современного русского языка Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН.

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор **Е.А. Земская**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук профессор **Максим Анисимович Кронгауз** (Институт лингвистики Российского государственного гуманитарного университета)

доктор филологических наук профессор **Дмитрий Олегович Добровольский** (Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН)

доктор филологических наук профессор **Михаил Александрович Грачёв** (Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А.Добролюбова)

Ведущая организация: Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Защита состоится **«23» октября 2008 г. в 14 часов** на заседании диссертационного совета Д 002.008.01 при Институте русского языка им. В.В.Виноградова РАН по адресу: г. Москва 119019, ул. Волхонка, 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН (Москва 119019, Волхонка, 18/2).

Автореферат разослан «____» сентября 2008 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
канд. филол. наук **Б.Л.Иомдин**

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Необходимость изучения иноязычной лексики на современном этапе развития русского языка объясняется причинами собственно языковыми (внутренними) – состоянием языка на рубеже XX-XXI вв. – и причинами гносеологическими – состоянием современной лингвистической науки, описывающей и осмысливающей данный процесс.

Языковые причины, по которым изучение иноязычных слов является актуальным, связаны с характером современного лексического заимствования. Оно, безусловно, отличается не только масштабом, численностью поступающих в язык единиц – в Петровскую эпоху их было не меньше, но и другими особенностями, которые необходимо учитывать при анализе исследуемого материала. Важнейшими являются следующие¹:

- интернациональный характер современного заимствования (активный приток новых слов из других источников наблюдается во многих других развитых языках мира);
- преимущественно один язык-источник (американский английский);
- проникновение иноязычной лексики в разные области человеческой деятельности, вплоть до бытовой сферы, и в разные варианты общенародного языка – литературный язык (как книжный, так и разговорный) и субстандарт (жаргоны);
- активизация калькирования;
- сильнейшее взаимодействие процессов внешнего заимствования (заимствования из чужого языка) и внутреннего заимствования (заимствования из других вариантов этноязыка, преимущественно жаргонов);
- параллельное заимствование наряду со словом его производных (см.: *пицца, пиццерия; пейджер, пейджинг* и др.);
- ставшее регулярным заимствование аббревиатур.

Кроме того, заимствование слов проходит на фоне чужеземного влияния на другие языковые сферы (синтаксис, интонация, графика), а в области лексики, помимо притока новых иноязычных, наблюдаются активное использование в речи ранее заимствованных слов, нередко их переосмысление или/и стилистическая «переработка».

Существуют и гносеологические причины, объясняющие актуальность исследования.

По-прежнему важными остаются многие теоретические и терминологические вопросы, связанные с проблемой лексического заимствования. Одним из таких вопросов

¹ Некоторые из них отмечались в работах Э.Ф.Володарской, К.Гутшмидта, Дж.Данна, Е.А.Земской, В.Г.Костомарова, М.А.Кронгауза, Л.П.Крысина, Х.Пфандля, Р.Ратмайр, И.А.Стернина, Г.Г.Тимофеевой и др.

является вопрос о содержании и объёме понятия, обозначаемого термином *иностранное слово*. Отметим также, что в научной и учебной литературе недостаточно строго и последовательно разграничиваются и другие терминологические наименования (и соответственно понятия), относящиеся к сфере заимствования, такие, как *варваризм, экзотизм, иностранное вкрапление, иностранное заимствование* и т.п.

Терминологическая неупорядоченность затрудняет объективную оценку последствий заимствования. Так, в отечественной русистике наблюдается заметный разрыв в определении статуса того или иного чужеземного слова с точки зрения его необходимости или, наоборот, избыточности для системы русского языка. К примеру, слова *имидж, импичмент, менеджер, мониторинг, ноу-хау, рейтинг, эксклюзивный, электорат* в работах одних авторов рассматриваются как оправданные заимствования, в других – как избыточные элементы, засоряющие родной язык и нарушающие его дух.

Недостаточно разработаны в современной науке вопросы, связанные с типологией иностранных слов (в частности неологизмов). Типологическое описание иностранной лексики должно основываться на многомерной классификации. При этом должны учитываться: тип лексического значения заимствуемого слова (экзотическое/неэкзотическое, терминологическое/нетерминологическое), стилевая принадлежность, словообразовательные возможности, графика (кириллица/латиница), особенности функционирования в различных речевых сферах и др.

Важно рассмотреть особенности включения иностранного неологизма в языковую парадигматику: «встраивание» его в определённую лексико-семантическую группу, синонимический ряд, словообразовательное гнездо и т.п. – и синтагматику (этот вопрос менее всего изучен). К примеру, специального рассмотрения заслуживает процесс образования новой фразеологической единицы на базе иностранного неологизма. Сам по себе этот факт свидетельствует о вхождении нового иностранного слова в систему языка, и, очевидно, его можно рассматривать как критерий освоенности иностранного слова, что, по нашим данным, ещё не отмечалось в специальной лингвистической литературе.

Своеобразные парадигматические отношения выстраиваются между формальными разновидностями (вариантами) одного и того же иностранного слова. При этом в одних случаях различия вариантов обнаруживаются как в письменной, так и в устной речи (*ланч – ленч*), а в других – только в письменной или только в устной речи (*Интернет – Интернет – интернет – Internet; маркетинг – маркэтинг*). Изучение разных типов вариантности иностранных заимствований является актуальным для решения вопросов речевой культуры, а также проблем лексикографической фиксации варьирующегося слова.

В связи с вышеизложенными положениями, **цели исследования** можно представить следующим образом: определить лингвистические особенности адаптации и функционирования иноязычных слов, поступающих в русский язык (в различные его варианты – стандарт и субстандарт) на рубеже XX-XXI веков; выявить закономерности в ассимилировании иноязычного лексического материала; отметить тенденции в развитии языка, т.к. заимствование и освоение иноязычных слов нередко проявляет эти тенденции, делает их более заметными, а их действия – более интенсивными.

Задачи исследования:

- уточнить объём и содержание понятия *иноязычное слово*; определить системные связи данного термина с другими терминами, именующими слова неисконного происхождения в русском языке (*заимствованное слово, иностранное слово* и др.);
- на основе многомерной типологии иноязычных слов (по тематическому признаку, с точки зрения частеречного состава, происхождения, наличия/отсутствия эквивалентных лексических единиц в языке-реципиенте и др.) представить системное описание иноязычной лексики, употребляющейся в русской речи на рубеже веков;
- описать условия и способы адаптации иноязычных слов в русском языке – семантической и формальной, а также сопутствующие процессы (варьирование);
- описать парадигматические отношения: а) между иноязычными словами и их синонимами, б) между иноязычными словами и их словообразовательными дериватами и др.;
- уточнить некоторые «показатели» закрепления иноязычных слов в системе языка-реципиента, поскольку освоение иноязычного слова в период языковой нестабильности имеет свои особенности, по сравнению с периодом стабильности;
- определить словообразовательные возможности иноязычных слов разных типов;
- исследовать переходные явления в сфере иноязычной лексики (переход эквивалентной лексики в лексику безэквивалентную, лексики экзотической в лексику неэкзотическую и др.);
- сопоставить процессы функционирования и русификации иноязычных слов в литературном языке и субстандарте, описать специфические для субстандартной речи способы языковой обработки иноязычной лексики.

Материал исследования представляет собой массив иноязычных лексем, включающий: 1) единицы, заимствованные или заимствуемые русским языком на рубеже XX-XXI вв. (например: *пиар, бутик, спам, Интернет* и др.); 2) единицы, заимствованные русским языком в более ранние периоды и ставшие актуальными на рубеже веков после некоторого «забвения» (*истеблишмент, дансинг, колледж*); 3) производные слова,

образованные на русской почве от иноязычных слов первой и второй групп. Всего исследовано свыше 2000 лексем.

Для иллюстративного материала привлекались контексты Электронного корпуса русских газет конца XX – начала XXI вв., отобранные (в соответствии с представленным нами словариком иноязычных неологизмов и их производных) в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ им. М.В.Ломоносова.² Ещё один авторитетный источник, откуда черпался иллюстративный материал, – электронно-поисковая система «Интегрум».³ По «Интегруму» уточнялись хронологические данные, а именно время появления того или иного неологизма в русской речи. Благодаря «Интегруму» были получены примеры употребления исследуемых единиц в радио- и телеэфире. Источником исследования послужили также массмедийные тексты, выставленные на различных сайтах Рунета, и «электронная» речь посетителей форумов, конференций и т.п. В диссертации использовались и наблюдения за употреблением иноязычных слов в устной разговорной речи; в некоторых случаях привлекались художественные тексты современных авторов.

Методика исследования. Исследование проводилось в русле системно-описательного метода лингвистики. При изучении активных процессов и современных языковых тенденций мы опирались на традиции Московской школы функциональной социолингвистики.

В ходе работы использовались как общенаучные методики (наблюдение, описание, классификация, сопоставление), так и специальные методики, обеспечивающие решение тех или иных задач.

При описании иноязычных неологизмов, не зафиксированных словарями, использована методика лексикографического описания.

При описании особенностей функционирования неологизмов в речи проводился стилистический анализ.

При исследовании парадигматических отношений лексических единиц использована методика дефиниционного анализа и методика формализации описания морфемной структуры.

В изучении некоторых аспектов исследуемой проблемы проводились количественные подсчёты. В описании материала использовались результаты опроса респондентов, отражающие особенности восприятия и употребления ряда иноязычных неологизмов.

² Выражаю благодарность сотрудникам ЛОКЛЛ: заведующему, доктору филологических наук А.А.Поликарпову и доктору филологических наук О.В.Кукушкиной – за оказанную мне помощь в сборе иллюстративного материала.

³ Возможность работать с этой системой любезно предоставила мне руководитель Группы словарей новых слов Института лингвистических исследований РАН Т.Н.Буцева.

Новизна исследования заключается в том, что оно основано на многоаспектном изучении новой иноязычной лексики рубежа XX-XXI вв. и строится как описание основных типов адаптации иноязычных неологизмов в современном русском языке. Ранее изучались (по отдельности) некоторые типы адаптации иноязычной лексики в тот или иной период истории русского языка. Нас интересовала общая картина, позволяющая увидеть особенности освоения современных заимствований на территории исконного распространения русского языка.

Впервые на значительном (почти исчерпывающем) массиве новой лексики проанализированы традиции и новации в освоении иноязычных слов на разных языковых уровнях (фонетическом, грамматическом, лексическом, словообразовательном) и на разных «участках» языка (графика, орфография); определены причины изменений в адаптационных процессах иноязычной лексики.

Методологически описание всех типов адаптации в одной работе стало возможным потому, что в анализе языкового материала был использован системный подход. Его можно сформулировать следующим образом: особенности освоения (русификации) слова как на начальной стадии, так и на последующих стадиях зависят от того, к кому типу иноязычной лексики оно относится. Важнейшие особенности формальной и семантической адаптации заимствуемых слов рассматриваются в диссертации с учётом многомерной типологии иноязычной лексики (используется, в частности, предложенная нами классификация иноязычных неологизмов с точки зрения номинации).

Новизна исследования состоит также в том, что в описании адаптации иноязычной лексики выявлены межуровневые связи, позволяющие представить адаптационный механизм языка как систему, в которой особенности освоения иноязычного неологизма на том или ином языковом уровне оказываются взаимосвязанными.

Новым является и сопоставительный аспект той части исследования, которая посвящена функционированию и языковой обработке иноязычных слов и их производных в различных языковых сферах: стандарт и субстандарт.

Наконец, новизна исследования определяется и новизной анализируемого материала. В работе представлено типологическое описание именно новой иноязычной лексики (критерием новизны считаем время вхождения той или иной лексической единицы в русскую речь в период языковой нестабильности, т.е. с конца 80-х гг. XX в. до настоящего времени).

Положения, выносимые на защиту.

1. Активизация лексического заимствования приводит к тому, что адаптационный механизм русского языка становится в высшей степени динамичным. Об этом

свидетельствуют ускоренный переход иноязычного неологизма на кириллицу или его одновременное функционирование в двух графических вариантах (нередко в пределах одного текста) и активное участие нового слова в деривационных процессах, в особенности в словопроизводстве.

2. Ускоренная адаптация иноязычной лексики тем не менее не является основанием для прогнозирования результатов заимствования. Стремительная русификация слова (включение в систему русского языка, «обработка» на всех языковых уровнях) ещё не делает его полноценной единицей языка – в том смысле, который вкладывался в это понятие традиционной теорией заимствования, т.е. общеупотребительным, стилистически нейтральным словом. Множество слов прошли фонетическую адаптацию, пишутся кириллицей, имеют своё строго индивидуальное значение, имеют производные, но при этом остаются на периферии языка в пределах какой-либо языковой микросистемы (обычно обслуживающей ту или иную профессиональную сферу).

3. Для закрепления слова в ядерной части лексики значимым на современном этапе является вхождение слова в состав интернациональной лексики.

4. На характер адаптации заимствуемых слов оказывает сильнейшее влияние окончательная смена к концу XX в. доминирующего языка-источника (в подавляющем большинстве случаев, как и во многих других языках-реципиентах, это американский вариант английского языка). В результате среди поступающих в русский язык новых иноязычных слов формируются группы идентичных по структуре лексем, освоение которых проходит в общем русле, по одинаковым или похожим схемам.

5. В процессе освоения иноязычного слова на разных языковых уровнях решающими оказываются его связи с уже существующими в русском языке единицами. Ведущим принципом в адаптации иноязычной лексики в исследуемый период является принцип аналогии.

6. Общее направление адаптационных процессов проявляется в конкуренции иноязычных слов с лексическими единицами заимствующего языка, в стремлении органично влиться в систему и стать «своими».

7. Одна из наметившихся тенденций рубежа XX-XXI веков – стремление говорящих к множественности наименований. Интенсивность многих языковых процессов в период языковой нестабильности способствует активному накоплению обозначений одного и того же денотата, в результате чего носители языка получают огромный запас как однословных, так и составных номинаций, необходимых им в постоянно усложняющейся жизни, связанной с дальнейшей дифференциацией сфер человеческой деятельности.

Теоретическая значимость диссертации состоит в следующем: в ней уточняется понятие иноязычного слова (раскрываются диахронический и синхронический аспекты данного понятия); выявляются группы одноструктурных лексических единиц, вызывающих трудности при определении этимологического статуса; предлагаются конкретные критерии для разграничения собственно заимствований и слов, созданных на русской почве из иноязычного материала.

Самостоятельное научное значение имеет теоретический раздел работы, посвящённый систематизации различных форм, или способов, заимствования (с указанием их особенностей в исследуемый период). Впервые в научной традиции последовательно разграничиваются такие виды скрытого заимствования, как вторичное заимствование и семантическое калькирование. По-новому освещаются и некоторые другие вопросы заимствования: вопрос о графическом заимствовании; функции лексического заимствования (в их сопоставлении с функциями словообразования) и др.

Практическая значимость работы. В исследовании реализован принцип системного (многомерного) описания иноязычной лексики. Опыт подобного описания может быть использован в дальнейшем в научных работах, посвящённых иноязычным словам.

Представленные в диссертации приложения являются эмпирической базой для частных исследований в области неологической лексики, как иноязычной, так и образованной на русской почве.

Идеи и результаты исследования отражены в разработанных автором спецкурсах «Проблемы отечественной неологии» (2002-2003 гг.), «Активные процессы в лексике современного русского языка» (2004-2007 гг.) и в лекционном курсе «Современный русский язык. Лексикология» (2005-2007 гг.).

С 2003 г. в Нижегородском государственном университете им. Н.И.Лобачевского при кафедре современного русского языка и общего языкознания автором организована научно-исследовательская работа студентов по изучению инновационных процессов в русской лексике. Результаты этой работы опубликованы («Новые слова XXI в.: словарные материалы к спецкурсу по неологии» / Под ред. Е.В.Мариновой. – Н.Новгород: изд-во ННГУ, 2007).

Материалы исследования использованы автором при составлении «Словаря новых слов» для бюллетеня Совета по русскому языку при губернаторе Нижегородской области; отражены в авторской колонке портала для журналистов «Живое слово» (www.zhivoeslovo.ru). Отдельные положения диссертации послужили базой для ряда выступлений автора по проблемам культуры речи современных языковых изменений в различных СМИ г. Нижнего Новгорода, а также перед аудиторией учителей и преподавателей техникумов г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области.

Апробация исследования.

В полном объёме диссертация обсуждалась на заседании Отдела современного русского языка Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН (ноябрь 2007 г.).

Вопросы, разработанные в диссертации, обсуждались на международных и всероссийских конгрессах, конференциях и семинарах, в том числе: Международная научная конференция «Аванесовские чтения» (Москва, 2002); Международная научная конференция «Социальные варианты языка» (Нижний Новгород, 2002; 2003); IV Всероссийская научно-практическая конференция РОПРЯЛ (Москва, 2002); Международная научная конференция «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы» (Москва, 2002); II Международная научная конференция «Язык и культура» (Москва, 2003); II Международный конгресс русистов «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, 2004; Москва, 2007); III Международная научно-методическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного» (Москва, 2004); Международная научная конференция Седьмые и Восьмые Шмелёвские чтения (Москва, 2006; Москва, 2008); Международная научная конференция «Научное наследие Б.Н.Головина и актуальные проблемы современной лингвистики» (Нижний Новгород, 2006), а также на ряде региональных и зональных конференциях и семинарах.

Автором опубликованы монография («Иноязычные слова в русской речи конца XX-начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования». – М., изд-во «Элпис», 2008. – 496 с.), а также 62 печатные работы (статьи, материалы докладов, тезисы). Две статьи изданы за рубежом.

Структура работы. Диссертация состоит из «Введения», пяти глав, «Заключения», списка литературы и приложений. Общий объём работы – 509 стр. (основной текст – 458 стр.). Библиография включает более 500 наименований.

Содержание работы

Во «**Введении**» обосновывается актуальность темы проведённого исследования, его новизна, теоретическая и практическая значимость. Определяются цели и задачи исследования, характеризуются использованные методики анализа, кратко рассматриваются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава диссертации – «**Иноязычное слово как единица лексики и объект лексикологии**» – посвящена изложению исходных теоретических понятий исследования. В ней анализируются генетический и лексикографический подходы в определении понятия *иноязычное слово* в современной лингвистической науке. Различие этих подходов состоит в

следующем: при генетическом подходе учитывается реальное, действительное происхождение той или иной лексической единицы, а именно «приход» из другого языка, в котором функционирует её этимон, прототип; при лексикографическом же подходе (например, в практике составления словарей неисконной лексики) значимым оказывается факт восприятия лексической единицы как заимствованной, «чужой». Такое восприятие может быть вызвано прежде всего структурными особенностями слова, делающими его похожим на иноязычное, – наличием в его составе иноязычных корней и аффикса или только иноязычного корня. Так, слова *ваучеризация*, *клонирование*, *мультимедийный*, *оффшорный* представляются иноязычными (и зафиксированы в словарях иностранных слов), хотя на самом деле они образованы на русской почве.

Поскольку в задачи нашего исследования входило разграничение собственно иноязычных слов, т.е. слов, имеющих этимоны в языке-источнике, и слов с иноязычным корнем, образованных на почве русского языка, мы избрали генетический подход в использовании понятия *иноязычное слово*. При решении проблемы «своё или чужое» мы выявили среди слов, фиксируемых в словарях неисконной лексики, группы одноструктурных единиц, вызывающих трудности при определении этимологического статуса. Таких групп четыре:

- полиморфемные слова, состоящие из иноязычного корня и исконного аффикса, т.е. гибриды (*гламурный*, *креативный*, *сканировать*);
- полиморфемные слова, состоящие из корня и аффикса иноязычного происхождения (*ваучеризация*, *монетизация*);
- аналит-сочетания, обе части которых имеют иноязычное происхождение (*бизнес-букет*, *пиар-проект*)⁴;
- усечения (*комп*, *инет*, *инфо*).

Слова, относящиеся к данным группам, имеют признаки «иноязычности», которые формируют представление о неисконном происхождении слов. Однако в каждой из этих групп могут быть образования, созданные на русской почве (см., к примеру, «псевдозаимствования» *ваучеризация*, *монетизация* в приведённых выше рядах). Поэтому в отношении слов указанных групп необходим специальный этимологический анализ, предполагающий прежде всего установить наличие/отсутствие этимона того или иного слова в чужом языке. При этом следует учитывать, что некоторые языковые процессы, например аффиксация с помощью интернациональных морфем, усечение слова и т.п., могут происходить параллельно в разных языках (ср., например, рус. *баскет* < *баскетбол* и англ.

⁴ По другой терминологии, подобные образования называют также сложными словами с неизменяемым начальным компонентом.

basket < basketball). Так вырисовывается интересная исследовательская проблема – своё, или чужое, или «общее», точнее универсальное? Как пишет Л.П.Крысин, в этимологическом анализе некоторых слов нельзя исключать множественность интерпретаций.⁵

При описании лексического заимствования и сопутствующих процессов, наряду с проблемой определения границ иноязычной лексики, важной является также проблема её типологического описания. Краткий обзор существующих в отечественной лексикологии классификаций иноязычных слов показывает, какие из них наиболее актуальны в современной науке. На наш взгляд, это тематическая типология иноязычных слов, генетическая типология иноязычных слов и типология иноязычий с точки зрения наличия/отсутствия мотивированности (актуальность данной типологии объясняется активизацией процесса параллельного заимствования на рубеже XX-XXI вв., а также интернациональным характером современного заимствования).

Для системного описания **новой** иноязычной лексики нами предложена типология слов с точки зрения процесса номинации.

Номинативная функция является основной функцией заимствования (во всяком случае в литературном языке – в субстандарте доминирующей функцией является экспрессивная). Лексические единицы, поступающие из другого языка, оказываются востребованными прежде всего как номинации. В зависимости от того, являются ли слова единственными номинациями предметов и, следовательно, не имеют эквивалентов в русском языке, или же представляют собой вторичные номинации предметов или понятий, для обозначения которых в русском языке уже имеются однословные наименования, иноязычия разграничиваются на безэквивалентные⁶ и эквивалентные лексические единицы. К безэквивалентной лексике относятся, например, такие слова, как *Интернет*, *клип*, *лифтинг*, *сайт*, *спам*, *файл*, *чат* и др.; к эквивалентной лексике – слова *анимация* (ср. *мультипликация*), *тинейджер* (ср. *подросток*), *тур* (ср. *путешествие*), *суицид* (ср. *самоубийство*) и др.

В «момент» заимствования эквивалентные иноязычные лексемы представляют собой неологизмы, у которых новизной обладает лишь одна из сторон слова – фонетическая (план выражения), тогда как семантика (план содержания) не является новой и известна носителям языка. Если же иноязычный неологизм относится к безэквивалентной лексике, новизна «затрагивает» обе стороны слова – и фонетическую, и семантическую.

⁵ См. Крысин Л.П. Словообразование или заимствование? // Лики языка. – М., 1998. – С. 196-202.

⁶ Термин *безэквивалентная лексика* активно используется в современной теории перевода, в лингвистической культурологии и в некоторых других областях науки, связанных с межкультурной коммуникацией, для обозначения экзотической лексики (например, в работах Л.С.Бархударова; Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова). Однако представляется возможным использовать данный термин в более широком значении, в котором он выступает как коррелят термина *эквивалентная лексика*.

При описании процессов адаптации новой иноязычной лексики мы показываем, как влияет тип иноязычного слова с точки зрения номинации на особенности его освоения (гл. III, IV). Вычленение среди неисконной лексики эквивалентных и безэквивалентных слов позволяет также фиксировать и описать переходные явления в процессе внешнего заимствования, когда граница между различными типами иноязычной лексики оказывается подвижной.

Важным фактором, определяющим судьбу заимствуемого слова в языке-реципиенте, является также **форма заимствования**.⁷ Для каждого периода в истории русского языка характерно своё «сочетание» тех или иных форм заимствования. На рубеже тысячелетий по-прежнему преобладающей является форма письменного заимствования. Появляется новый источник письменного заимствования – электронные СМИ. Устная же форма заимствования характерна для некодифицированных сфер языка (жаргонов), которые выступают в качестве языков-реципиентов независимо от литературного языка.

Заимствованные слова поступают в русский язык в подавляющем большинстве случаев прямым путём, но и опосредованное заимствование имеет место.⁸ Особенностью этих форм заимствования в настоящее время является то, что и языком-донором, и языком-посредником выступает один и тот же язык – американский вариант английского языка.

При доминировании материальной формы заимствования, заметно активизировалось скрытое заимствование⁹, прежде всего семантическое и фразеологическое калькирование, а также вторичное заимствование. Для анализа семантических процессов в русской лексике целесообразно различать вторичное заимствование и семантическое калькирование: в первом случае звуковой оболочкой для нового значения является ранее заимствованное слово (*резюме* в значении ‘анкета’), во втором – слово исконное (*горячий* ‘актуальный’).

В данном исследовании иноязычное слово понимается как «результат» материального заимствования. Случаи вторичного заимствования отмечаются особо – при описании дальнейшего развития семантики иноязычного слова (гл. IV). Кальки отдельно не рассматриваются, однако при необходимости упоминаются (например, в разделе «Иноязычное слово как компонент новых фразеологических единиц» гл. IV).

⁷ Основными формами лексического заимствования являются: письменное/устное заимствование, прямое/опосредованное заимствование, одновременное (параллельное)/разновременное заимствование, материальное/скрытое заимствование. См. также об этом: [Маринова Е.В. Заметки об основных формах заимствования // Вестник ННГУ. Серия Филология. Вып. 1 (7). - 2006. – С. 35-38].

⁸ Например, такие ориентализмы, как *гуру*, *зомби*, *суши*, «проникли» в русский язык не напрямую из восточных языков, а через язык-посредник (американский английский).

⁹ Главное, существенное различие материального и скрытого заимствования состоит в том, что в первом случае язык получает новую звуковую оболочку, новую звуковую форму, а при скрытом заимствовании в качестве «формы» используются уже имеющиеся языковые средства – звуковые оболочки слов или морфем.

Первичной формой материального заимствования нередко является графическое заимствование – употребление иноязычного слова в оригинальной графике (латинице) на начальной стадии его освоения. Такая форма готовит переход слова из «состояния» вкрапления к функционированию в системе языка-реципиента в качестве полноправной единицы.

Вторая глава диссертации – «**Формальная адаптация иноязычных слов и сопутствующие процессы**». Приспособление нового слова к фонетике, грамматике, графике и орфографии принимающего языка, т.е. такую его обработку, которая не затрагивает смысловую сторону слова, мы предлагаем называть **формальной адаптацией слова**. В зависимости от того, какая форма материальной оболочки иноязычного слова русифицируется – звуковая или графическая, выделяются такие типы формальной адаптации, как **фонетическая** и **графическая** адаптация. Эти два типа различаются также тем, что проходят в разных формах речи – устной и письменной.

Анализ процессов фонетического и графического освоения новых иноязычных лексем показал, что формальная адаптация иноязычной лексики на рубеже XX-XXI вв., с одной стороны, по-прежнему протекает в русле традиции, сложившейся на протяжении XIX-XX вв., с другой – имеет некоторые новые особенности.

Прежде всего отметим, что основным направлением адаптационных процессов в русском литературном языке является ориентация на звучание этимона заимствуемого слова в языке-источнике, т.е. **практическая транскрипция**, что соответствует традиции. Однако действие принципов практической транскрипции в настоящее время расширяется, и на некоторых участках подсистемы, которую представляют собой иноязычные слова, можно наблюдать «отступления» от нормы. К ним относятся: 1) возможное отсутствие оглушения звонкого согласного на конце слова как «подражание» английскому произношению, особенно в речи молодых (*наб, имидж, бейдж, группиз*); 2) появление в русском языке слов с не встречавшимися ранее исходами *-шн, -жн* (*промоушн, экин, ресепшн, фьюжн* и др.); 3) произношение с побочным ударением новых иноязычных слов, восходящих в языке-источнике к композитам или полиморфным словам (*бойфренд, гешефтмахер, онлайн, нон-стоп, имиджмент* и др.). Тенденцией произносить иноязычное слово близко к «оригиналу» объясняется и произношение в подавляющем большинстве случаев твёрдого согласного перед гласным переднего ряда в неологизмах иноязычного происхождения, иногда подкрепляемое написанием, – *флэш, фэшин, скинхэд, тинэйджер, брэнд* и др.

Транслитерация как способ передачи внешнего облика иноязычного слова в литературном языке используется в чистом виде нерегулярно (*сериал, эскапизм*); как правило, транслитерация применяется при передаче определённой структурной части слова

при **смешанном способе** (например, при передаче английских сочетаний с «г» или сочетания *-ing*: *промоутер*, *пирсинг*), а также используется в передаче иностранных онимов и некоторых аббревиатур (*ДОС*, *ВИП* и др.).

В субстандарте, напротив, транслитерация так же регулярна, как в литературном языке практическая транскрипция. Однако функция транслитерации в субстандарте нередко иная, чем в литературном языке, а именно **игровая**. Побуквенная передача иноязычия в жаргоне порождает экспрессивно звучащие единицы (*моуза* комп. ‘мышь’, *пага* комп. ‘страница’ – ср. англ. *mouse*, *page*). Особенно это заметно в том случае, если жаргонизм, «полученный» таким образом, представляет собой вариант литературного слова (ср. *месседж* – *месага*, *менеджер* – *манагер*, *компьютер* – *компутер* и др.). Экспрессивную функцию в субстандарте выполняют и другие способы формальной адаптации заимствуемых слов, несвойственные литературному языку совсем: намеренная омонимия (фонетическая мимикрия) – *емеля*, *мыло* < *e-mail*, *кликать* < *to click*, намеренное звуковое искажение слова – *юзверь* < *user*, усечение – *синса* < *sensitivity* (комп.) ‘чувствительность манипулятора мышь’ и др.

Как в литературном языке, так и в субстандарте новые иноязычные слова подвергаются **варьированию**. В данной главе мы рассматривали формальные варианты иноязычных слов следующих типов (в зависимости от характера различий): фонематические (*ланч* – *ленч*; *пати* – *парти*), акцентные (*маркетинг* – *маркэтинг*), орфоэпические ([к’э]йс – [кэ]йс), орфографические (*оффшор* – *офшор* – *офф-шор* – *оф-шор*) и графические (*Интернет* – *интернет* – *Internet*). Отметим, что нередко варианты разных типов и подтипов обнаруживает одно и то же заимствуемое слово (*дедлайн* – *дэдлайн* – *дед-лайн*; *имейл* – *и-мейл* – *e-мейл*; и др.).

Вариантность иноязычий на современном этапе имеет свои особенности. Если в предшествующие столетия, в особенности в XIX в., одной из распространённых причин появления вариантности было заимствование слова из разных языков-источников, то на рубеже XX-XXI вв. на первый план выступают иные факторы, а данная причина проявляет себя всё реже¹⁰, поскольку язык-источник преимущественно один.

В формальном варьировании слова значимыми оказываются причины **внутреннего** характера. Так, многие среди вариативных иноязычных слов имеют неодинаковый фонемный состав в разных своих вариантах потому, что в передаче одного и того же иноязычного прототипа использованы разные способы – транскрипция и транслитерация (ср.: *супервайзер* – *супервизор* от англ. *supervisor*). Конкуренцией названных способов объясняется преобладание среди фонематических вариантов вокалических, не совпадающих

¹⁰ См., например: *трансфер* < англ. *transfer* и *трансферт* < франц. *transfert*.

в каком-либо гласном звуке (*браузер* – *броузер* от англ. browser; *фан* – *фэн* от англ. fan), и консонантных, различающихся наличием/отсутствием отдельного согласного звука (*андеграунд* – *андерграунд* от англ. underground; *перформанс* – *нефоманс* от англ. performance; *эйджизм* – *эйджеизм* от англ. ageism и др.). К фонематической вариантности слова приводит и такой внутренний фактор, как существующая по объективным причинам вариантность в передаче чужой фонетической единицы. Например, разные способы передачи английской фонемы <w> дают говорящим варианты *вокмен* – *уокмен* (< workman); разные способы передачи гласной [ə], передаваемой английской буквой «а», – варианты *аккаунт* – *эक्каунт* и др. По-прежнему на появление формальных вариантов иноязычных слов оказывают влияние принцип аналогии (см. ненормативный акцентный вариант *бармен* – по аналогии со словами *шоумен*, *яхтсмен* и др.); тенденция к перемещению ударения в многосложных словах в середину слова (*маркэтинг*, *граффíти* – ср. нормативные *мáркетинг*, *грáффити*); удобство произношения (*кегель* – *кегль*, *промоушен* – *промоушн* и др.); колебания нормы на объективно слабых участках орфографии: слитное – дефисное – раздельное написание заимствований, с этимологической точки зрения представляющих собой сложные слова или сочетания слов (*массмедиа/масс-медиа/масс медиа*); написание двойных согласных (*оффшор* – *офшор*).

На рубеже XX-XXI вв. отмечается появление формальных вариантов **новых разновидностей**. Так, среди акцентных вариантов иноязычных неологизмов можно выделить вариативные единицы, различающиеся наличием/отсутствием побочного ударения (*билборд* – *билборд*); среди орфоэпических вариантов – вариативные единицы, различающиеся произношением сочетания *дж*¹¹; среди графических вариантов – единицы, различающиеся наличием/отсутствием букв иного алфавита (латиницы). В электронной форме речи – «живой письменной речи» – зафиксировано новое для русской графики явление, связанное с написанием консонантных аббревиатур (*смс*, *ммс* – ср.: *СМС*, *ММС*).

Некоторые разновидности вариантов иноязычных слов, существовавших ранее, исчезают или сокращаются. По нашим данным, исчезло варьирование *g*–*x* на месте иноязычного [h]. В современном русском языке новейшего времени придыхательный [h] в англицизмах передаётся только одним способом – русским согласным [x]. Всё реже наблюдается варьирование в иноязычных словах, в которых безударный гласный передаётся буквой «о». В новых англоамериканизмах не отмечено безударное [o]. Слова, в которых

¹¹ В словах английского происхождения с сочетанием [дж], находящимся в позиции перед сонантом в середине слова (*имиджмейкер*, *менеджмент*), «допустимо произношение четырёх аффрикат: [дж], [д'ж'], [ч], [ч']» [Касаткина Р.Ф. Новые лексические заимствования во взаимодействии с некоторыми звеньями русской консонантной системы // Жизнь языка: Памяти М.В.Панова. - М., 2007. – С. 268].

нередуцированный [o] произносится, – *мачо, лечо, карго, авизо, аудио, видео* и др. – не имеют вариантов.

В целом варьирование иноязычного слова в процессе адаптации – закономерное явление, один из показателей новизны слова. Большое количество вариантов свидетельствует об активности освоения слова, о частоте употребления его в речи **разными** носителями языка. Напротив, характерным признаком прочного вхождения иноязычного слова в лексическую систему русского языка является устранение вариантности.¹²

Субстандарт, в отличие от литературного языка, не торопится освободиться от вариантов; в субстандартной речи бесконечное варьирование (точнее сознательное искажение) слова поддерживается речевой практикой. Так, одно и то же слово может иметь неограниченное количество модификаций. Слово *компьютер*, к примеру, употребляется в некодифицированной речи в таких вариантах, как *комп, кэмп, компик, компук, компутер, путер, цампутер, конпутер, контупер, компостер, компухтер* и др. В этой главе рассматриваются основные способы создания стилистически сниженных вариантов иноязычных слов: неправильная транслитерация (*цампутер, хацкер*), различные приёмы языковой игры (*дисплюй, интерфася, штампакс, мыло, емеля*), заимствование усечений (*инфо, тату, фэн*) и усечение заимствований (*мерс, шоу-биз, тинейдж* ‘тинейджер’), суффиксация (*попсень, попсация, попсня, попсуха*) и др.

Третья глава диссертации – «**Грамматическая адаптация иноязычных слов разных частей речи**». Грамматическая адаптация нового иноязычного слова занимает в адаптационных процессах особое место. С одной стороны, она непосредственно связана с внешним обликом слова: поступающий из чужого языка материал сразу же оформляется как определённая единица морфологической системы русского языка (слово той или иной части речи). С другой стороны, «приобретение» заимствуемым словом некоторых грамматических признаков напрямую зависит от его лексической семантики. Исходя из этого, мы сочли целесообразным грамматическую адаптацию иноязычной лексики рассматривать в отдельной главе.

Каждый из основных разделов главы посвящён определённой части речи

В разделе «**Имена существительные**» описывается грамматическое оформление иноязычных имён существительных, которое в современном русском языке происходит тремя способами: 1) присоединением к основе иноязычного слова словоизменительной морфемы (системы окончаний)¹³; 2) присоединением к основе иноязычного слова

¹² См.: [Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е гг. XIX вв. – М.-Л., 1965. – С. 178].

¹³ Отсутствие системы окончаний (например, у некоторых имён существительных с вокалическим исходом основы – *караоке, парео, фондю*) также оказывается значимым в грамматической «интерпретации»

словообразовательной морфемы и системы окончаний: *топик* ‘лёгкая женская кофточка на бретельках’ (ср. англ. top ‘верх, верхняя часть’); 3) заменой суффикса другим: *хеджирование* ‘срочное страхование от возможного падения цены при долгосрочной сделке’ [НСИС¹⁴] (ср. англ. hedging). Два последних, «смешанных» способа (суффикс + окончание) особенно продуктивны в субстандарте, а именно в жаргонах.¹⁵

Чаще всего иноязычное слово и его прототип в языке-источнике совпадают с точки зрения их языкового статуса и морфологической принадлежности. Однако некоторые существительные иноязычного происхождения восходят к устойчивым сочетаниям языка-источника: *от кутюр* и франц. haute couture ‘высокая мода’; *фаст-фуд* и англ. fast food ‘быстрая еда’ и др. Как нерасчленённые, лексикализованные структуры воспринимаются и заимствуемые аббревиатуры, например: *хай-тек* < Hi-Tech ‘высокие технологии’; *вин* < VIP ‘особо важная персона’ и др.

Грамматически оформленное иноязычное имя существительное в процессе заимствования приобретает **грамматическую категорию рода**. В работе подробно рассматривается этот процесс. Выявляются факторы, оказывающие влияние на родовую принадлежность нового слова, если оно представляет собой **неодушевлённое существительное**. Так, среди **склоняемых** имён действует структурный, или фонологоморфологический, фактор. В родовой отнесённости слова определяющую роль играет финаль слова: к мужскому роду относятся существительные на согласный, к женскому роду – на гласный. Жёсткое действие этого фактора проявляется, в частности, в том, что новозаимствованные существительные на мягкий согласный приобретают формы мужского рода (*гриль, пиксель*) и не варьируются, тогда как ранее (XIX-XX вв.) существительные на [л’] как мужского, так и женского рода обычно имели родовые варианты.

Для **несклоняемых** неодушевлённых существительных значим парадигматический, или «внутрисистемный», фактор. Несклоняемые существительные на *-о*, по аналогии с исконными существительными среднего рода на *-о*, приобретают (за исключением отдельных лексем, например *евро* – м.р.) средний род. Имена существительные, оканчивающиеся другими гласными звуками или согласным, чаще всего «ориентируются» на род их русских параллелей (аналогов). См.: *багги* м.р. – ср. *гоночный автомобиль, карт; биеннале* ж.р. – ср. *выставка; Гран-при/гран-при* м.р. – ср. *приз; гала* м.р. – ср. *праздник; сити* м.р. – ср. *город* и др. В результате несклоняемые неодушевлённые существительные пополняют не только класс имён среднего рода, но и классы существительных мужского

иноязычий, т.к. в этом случае такие слова осмысливаются как особый морфологический класс русского языка – класс несклоняемых имён.

¹⁴ НСИС – Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. – М., 2003.

¹⁵ В некодифицированных сферах речи разнообразнее сам набор суффиксов, используемых для оформления иноязычных слов. См.: *Windows* – *виндюзятник, виндюзятина, виндюк* и др.

рода (*багги, гала, гран-при, тофу, сити, флоппи* и др.) и женского рода (*ауди, вольво, биенале, фэнтези* и др.).

В целом «обработка» неодушевлённых существительных с точки зрения родовой отнесённости к концу XX в. упрощается: уходит на нет действовавший на протяжении нескольких веков фактор влияния рода иноязычного слова в языке-источнике, т.к. подавляющее большинство существительных заимствуются из английского языка, не имеющего грамматической категории рода.

Род **одушевлённых** имён существительных оформляется традиционно – в соответствии с семантикой имени существительного. Однако есть некоторые отклонения от общей закономерности. Необычный для русского языка случай представляют слова мужского рода, обозначающие, как правило, лицо женского пола (*бемиситтер* ‘приходящая няня’). Кроме того, по наметившейся в конце XX в. тенденции, некоторые слова женского рода могут обозначать лицо мужского пола (по профессии) – *модель, супермодель, фотомодель, топ-модель*. Случаи, когда заимствуемое существительное приобретает признаки женского рода, по-прежнему редки, но язык компенсирует отсутствие заимствований-феминитивов словообразовательными процессами: подавляющее большинство существительных мужского рода легко присоединяют к своим основам суффиксы со значением ‘лицо женского пола’, например: *байкерша, бизнесменша/бизнесменка, визажистка, дилерша, киллерша, менеджерша, ньюсмейкерша, риэлторша, рокерша, спонсорша, хакерша* и др.

Наблюдения показывают, что грамматическая адаптация новых иноязычных существительных нередко сопровождается варьированием по роду. Для иноязычной лексики характерны несколько типов **варьирования**.

Грамматическое варьирование **склоняемых** имён выражается разными окончаниями варьирующихся единиц, следствием чего является их разная родовая принадлежность: *бандана – бандан (морфологическое варьирование)*. На рубеже веков такой тип родового варьирования встречается гораздо реже, чем в XIX-XX вв. (ср.: в БАС зафиксировано около 200 вариантов типа *зал – зала*, в наших материалах – 6 случаев, причём в каждой паре вариантов выделилась доминанта – *директория, страз, бандана, дискета, кафетерий*).¹⁶

Грамматическое варьирование **несклоняемых** имён существительных выражается в разных окончаниях согласующихся с ними определений или родовых формах сказуемого: *новый/новая/новое фрисби* ‘лёгкий пластмассовый диск для игры’; *нужен/нужна/нужно*

¹⁶ В то же время в субстандарте, в частности в жаргонах, морфологическое варьирование по роду более частотное: *мейло – имейла, файл – файло, вайф – вайфа* и т.п., что объясняется общей тенденцией субстандартной речи более «смело», ненормативно русифицировать заимствования. В «игру» включаются суффиксы, в результате суффиксальные образования пополняют ряды родовых вариантов жаргонизмов: *лейбл – лейбла – лейбак – лейбочка – лейбуха*.

фрисби (**синтаксическое** варьирование). В современной русской речи (как устной, так и письменной) такой тип грамматического варьирования наиболее частотный (например, варьируются такие слова, как *евро*, *барбекю*, *джакузи*, *вольво*, *биеннале* и др.).

В разделе, посвящённом иноязычным субстантивам, рассматриваются также **особенности словоизменения** новых иноязычных существительных – отношение их к склонению и грамматической категории числа.

По-прежнему два основных полюса в области **падежного словоизменения** – склоняемые в большинстве своём существительные с консонантным исходом и несклоняемые существительные с вокальным исходом. Несклоняемость последних поддерживается многовековой традицией, во-первых, и действующей в современном русском языке тенденцией к аналитизму, во-вторых.

Что касается существительных с основой на согласный, их несклоняемость, как правило, имеет временный характер, за исключением слов, имеющих некоторые структурные ограничения для склонения. Так, у существительных со значением лица женского пола таким ограничением является твёрдый согласный на конце слова (*вамп*, *гёрлфренд*).

Среди остальных существительных с консонантным исходом, встречающихся в русской речи без падежных окончаний, наблюдается **варьирование по признаку склоняемости/несклоняемости** (*программа для праймтайм – программа для праймтайма*). Более всего варианты по названному признаку подвержены иноязычные существительные на *-ин* (*экин*, *феин*, *ресепин*) и существительные, восходящие к устойчивым сочетаниям или аббревиатурам языка-источника (последние также заканчиваются согласным звуком) – ср. *любителям хай-фай/любителям хай-фая* ‘о технике с высоким качеством воспроизведения звука’. В области традиционно несклоняемых субстантивов (на гласный) вариантность более редкое явление. Причём конкуренция вариантов среди существительных на согласный заканчивается «победой» склоняемого варианта¹⁷; среди существительных на гласный – «победой» несклоняемого варианта. Например, слово *жалюзи* изредка встречается в склоняемой форме – возможно, по структурной аналогии с разговорным (ненормативным) вариантом слова *бигуди*. Однако в словаре употребление слова *жалюзи* в склоняемом варианте отмечается как неправильное [АЛ¹⁸].

¹⁷ Не склонявшиеся «в момент» заимствования слова *Интернет*, *пиар*, *фаст-фуд*, *фэн-шуй* и др. в настоящее время склоняются.

¹⁸ АЛ – Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н.Скляревской – М., 2006.

Таким образом, в итоге адаптационного процесса, в ходе которого иноязычные неологизмы приспособляются к падежному словоизменению русского языка, общая картина соотношения склоняемых – несклоняемых существительных не меняется. Все отклонения (прежде всего, отсутствие склонения у слов на согласный) характеризуют именно этап **адаптации** существительного, его постепенное включение в достаточно строгую грамматическую парадигматику языка.¹⁹

Грамматическое поведение новых иноязычных существительных **по отношению к категории числа** подчиняется традиции, согласно которой наличие той или иной формы числа зависит от семантики слова. В силу этой традиции форму множественного числа получают все одушевлённые существительные (а некоторые из них и употребляются преимущественно в форме множественного числа – *рокеры, роллеры, талибы* и т.п.) и подавляющее большинство неодушевлённых конкретных существительных. Незначительное число слов конкретной лексики пополняет разряд имён существительных *pluralia tantum* (*леггинсы, слаксы, жалюзи*).

В последние десятилетия именно в этом разряде существительных наметились некоторые изменения. Во-первых, ряд иноязычных лексем *pluralia tantum* употребляется в русской речи без падежных окончаний (*контрас, паблик-рилейшнз*). Во-вторых, данный разряд пополнился такими иноязычными существительными, которые до последнего времени при заимствовании входили преимущественно в разряд субстантивов *singularia tantum*. Это англицизмы с исходом *-инг < -ing*. Некоторые из них уже на русской почве развили новое значение, которое закрепилось именно за формой множественного числа. В результате лексикализации множественного числа появились новые существительные *pluralia tantum*. С семантической точки зрения они вполне вписываются в данный разряд. Так, слова *тренинги* ‘спортивная обувь’, *хакинги* ‘ботинки особого покроя’, *карвинги* ‘лыжи с зауженной средней частью’ соотносятся со словами, обозначающими парные предметы (ср. *бутсы, кеды, лыжи*); слово *драйвинги* ‘автогонки в компьютерной игре’ – с процессуальными существительными *pluralia tantum* (ср. *гонки*).

Следует отметить, что и лексемы с другим исходом в грамматическом оформлении «подражают» своим аналогам, ср.: *леггинсы, слаксы, капри и брюки, штаны, сликсерсы, адидасы и кеды, бутсы*. **Аналогия** может быть также причиной числового варьирования иноязычного слова. Числовые варианты слов *дедлайн* ‘крайний срок’, *дрэд* ‘вид причёски’

¹⁹ Отметим также, что в субстандартной речи число несклоняемых жаргонизмов очень незначительно, например: *мани, пати* ‘вечеринка’, *хэнди* ‘мобильный телефон’, *кантри* ‘деревня’; несклоняемые существительные на согласный встречаются только среди жаргонизмов со значением «женскости» (*мазер, вайф*).

появились под влиянием аналогов: ср. *укладываться в дедлайны (сроки)*; *носить дрэды (косички)*.

Анализируя адаптацию новых иноязычных существительных по отношению к категории числа, можно отметить также, что данный процесс следует не только традиции, но и наметившимся к концу XX в. тенденциям в употреблении форм числа.

Одна из таких тенденций – выравнивание имён существительных по признаку грамматического числа, проявляющаяся в том, что существительных с двумя числовыми формами становится больше.²⁰ Такое выравнивание происходит, в частности, за счёт многочисленных случаев употребления в форме множественного числа существительных, традиционно относящихся к разряду субстантивов *singularia tantum*. Мы показали это на примере «инговых» существительных с исходной отвлечённой семантикой: многие из них могут употребляться в современной русской речи в форме множественного числа. Причём и в этой области грамматического употребления иноязычных существительных действует **аналогия**, поскольку смысловые сдвиги, которые развивают «инговые» лексемы в формах множественного числа, происходят по тем же самым моделям, по которым развивается сдвиг значения у исконных или ранее заимствованных существительных с процессуальным значением при употреблении их во множественном числе (например, «действие и предметный результат», «действие и конкретные проявления действия».²¹

Ещё одна тенденция в употреблении числовых форм существительных проявляется в расширении функций (значений) формы множественного числа. Так, у отвлечённых «инговых» существительных, обозначающих ‘вид спорта’, в форме множественного числа может развиваться оттенок «конкретные мероприятия» (*Трекинги и рафтинги на Алтае*); имена существительные, обозначающие действие в экономической области или в сфере финансов, в форме множественного числа развивают оттенок «услуга» (*консалтинги, трейдинги, факторинги* и т.п.). Форма множественного числа процессуальных существительных может обозначать также «разновидности действия» (*электронные банкинги, мобильные банкинги, интернет-банкинги*) и др.

В грамматике иноязычных имён существительных интерес представляют случаи использования субстантивов **в роли других частей речи**. Так, на рубеже XX-XXI вв. становится регулярным функционирование имён существительных в роли **неизменяемых**, или (по терминологии М.В.Панова) **аналитических, прилагательных**. По нашим наблюдениям, любой иноязычный субстантив может употребляться в качестве аналит-

²⁰ Об этом см., например: [Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2003. – С. 172].

²¹ Типы регулярной многозначности существительных на материале русского языка подробно описаны в [Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. – М., 1995. – С. 175-215].

прилагательного. Широкие возможности для этого предоставляет модель «аналит + существительное», получившая большое распространение в указанный период и благодаря заимствованию из английского языка сочетаний типа *бизнес-класс*, и благодаря «местному производству» подобных сочетаний (*бизнес-встреча*).

По степени регулярности использование субстантива в роли аналита может сравниться с суффиксальным образованием относительных прилагательных. Однако в образовании последних всё же имеются некоторые структурные ограничения: хиатус на конце слова не позволяет образовать прилагательное от таких слов, например, как *шоу*, *ноу-хау* и т.п. «Переход» иноязычных существительных в аналитические прилагательные не имеет ни структурных препятствий (см.: *шоу-парад*, *ноу-хау центр*), ни грамматических ограничений.

Важно отметить, что описываемое явление протекает именно в сфере иноязычной лексики: употребление исконных слов или давно обрусевших заимствований в составе модели «аналит + существительное» наблюдается редко. Что касается самой модели, её использование (т.е. порождение словосочетаний по данной модели) ограничивается рамками книжной, кодифицированной речи. В исследованиях, посвящённых разговорной речи²², мы не находим примеров образования сочетаний типа *бизнес-встреча*. По нашим наблюдениям, они не образуются в разговорной речи. Подобные сочетания редко создаются и в жаргоне. Таким образом, модель «аналит + существительное» имеет ограничение в использовании. Однако это не мешает говорящим создавать новые сочетания этого типа в кодифицированной речи.

Активность модели приводит к возникновению в речевой практике множества **параллельных наименований** одной и той же реалии, в которых аналит-прилагательное коррелирует с относительным прилагательным. См.: *лазер-диск – лазерный диск*, *офис-мебель – офисная мебель*, *экслюзив-тур – эксклюзивный тур* и др.

Иноязычные имена существительные могут употребляться и **в роли наречий** (*заказать онлайн*, *загорать топless*, *пройти тестирование оффлайн*). Переход существительных в наречия представлен малым количеством лексем, но заметим, что сам такой переход, результаты которого отражены словарно, занимает небольшой промежуток времени (пополнение наречного класса за счёт исконных существительных протекает более длительно).

Следующий раздел главы III – «**Имена прилагательные**». Количество заимствованных в исследуемый период имён прилагательных незначительно. Однако следует уточнить, что это мнение справедливо, если мы имеем в виду **склоняемые**

²² Мы имеем в виду работы Е.А.Земской, О.Б.Сиротининой, Е.Н.Ширяева и др.

прилагательные (*ментальный, мобильный* и т.п.). Что касается **неизменяемых** прилагательных, их число гораздо значительнее: класс аналитов активно пополняется новыми заимствуемыми единицами (*демо-, евро-, кибер-, поп-, промо-, фри* и т.д.).

Склоняемые иноязычные прилагательные мы рассматриваем как грамматически оформленные имена, т.к. при заимствовании они обязательно получают какой-либо адъективный суффикс и систему флексий. В указанный период функцию оформления заимствуемого прилагательного выполняет суффикс *-н-* (ранее использовались ещё *-ов-* и *-ск-*), например: *интерактивный, эксклюзивный* и др. Эта особенность не распространяется на сферу субстандарта, в которой прилагательные чаще оформляются суффиксом *-ов-* (*биговый* ‘большой’ < англ. *big*; *бутовый* ‘загрузочный’ < англ. *boot* ‘загрузить’ и др.). Литературный язык и субстандарт различаются (в отношении заимствования и освоения прилагательных) ещё и количеством поступающих в эти сферы неизменяемых имён прилагательных. В литературном языке именно этот разряд иноязычных прилагательных активизируется на рубеже веков, тогда как в некодифицированных сферах он не продуктивен (преобладают изменяемые прилагательные).

Неизменяемые прилагательные иноязычного происхождения представляют собой грамматически не оформленные прилагательные. Среди них особо выделяется большая группа мотивированных аналит-прилагательных – они соотносятся с однокоренным суффиксальным прилагательным (*демо-* – *демонстрационный*) или с однокоренным существительным (*пресс-* – *пресса*). Именно мотивированные иноязычные аналиты быстро становятся регулярными, иногда – высокочастотными (*евро-, нарко-, пресс-, теле-*).

Как изменяемые, так и неизменяемые прилагательные могут использоваться в речи (а впоследствии закрепиться и в языке) в роли имени существительного. Так, например, частотные на рубеже веков существительные *мобильный* (о телефоне), *видео, аудио, арт, реал, прайс* восходят к прилагательным (*мобильный, видео-, аудио-, арт-, реал-, прайс-*). Изменяемое иноязычное прилагательное субстантивировуется традиционным способом: сокращается парадигма окончаний, меняется категориальное значение, расширяются синтаксические функции, присваивается род. Неизменяемое прилагательное, в отличие от изменяемого, **получает** систему окончаний, если оканчивается согласным (*прайс*), или остаётся несклоняемым словом, если оканчивается гласным (*видео*).

Функционирование в русской речи заимствованных аналит-прилагательных, появление на их базе новых лексических единиц (например: *vip-* прил. ‘служащий, предназначенный для особо важных и богатых персон’ [АЛ] > *vip* сущ. > *виловский*) создаёт условия для образования **параллельных обозначений** одной и той же реалии, например: *вирт-пресса* – *виртуальная пресса, демоверсия* – *демонстрационная версия* и др.

В разделе «Глаголы» рассматривается грамматическая адаптация иноязычных глаголов. Современные заимствования, пополняющие класс глаголов, немногочисленны. См.: *инвестировать*, *микшировать*, *сканировать*, *шунтировать* (по данным ТСИС²³, НСИС). Из компьютерного жаргона проникают в разговорную речь глаголы *апгрейдить* ‘обновить (содержимое компьютера)’ (< англ. to upgrade), *юзать* ‘использовать’ (< англ. to use), *кликать* ‘нажимать клавишу «мыши»’ (< англ. to click).

Нельзя не отметить, что субстандарт намного превзошёл литературный язык по количеству заимствованных глаголов. Это связано с тем, что жаргон «охотно» принимает глаголы, называющие действия, для обозначения которых в литературном языке уже есть лексические единицы. Такие жаргонизмы, как *лукать* ‘смотреть’ (от англ. to look), *спикать* ‘говорить’ (от англ. to speak), *аскать* ‘просить’ (от англ. to ask) и т.п., составляют в молодёжном жаргоне большую группу **эквивалентной** иноязычной лексики. Это совсем не свойственно литературному языку, в котором заимствованный глагол, даже при наличии синонима в языке-реципиенте, отличается от него семантическими или/и стилистическими оттенками; ср., например: *аудировать* (спец.) и *слушать*, *мелировать* и *окрашивать* и др.²⁴

Заимствованные глаголы быстро включаются не только в формообразование, но и в словообразование, становясь производящей базой для существительных (см. *сканирование*, *шунтирование*, *инвестирование* и др.). Таким образом, иноязычные глаголы органично вливаются в систему русского языка, «растворяясь» в среде глаголов с иноязычной основой, значительная часть которых произведена на русской почве от заимствованных существительных (*спонсировать*, *продюсировать*, *пиарить*, *банкротить* и др.).

В разделе «Наречия» рассматривается оформление иноязычных наречий в литературном языке и субстандарте и отмечаются случаи употребления неологизмов-наречий в роли других частей речи. В литературном языке класс наречий пополняется за счёт иноязычий по-прежнему редко (*нон-стоп* ‘безостановочно’, *фифти-фифти* ‘поровну’). Однако следует обратить внимание на важную функциональную особенность иноязычных наречий, а именно на их способность выступать в роли других частей речи: существительного (*музыкальный нон-стоп*), аналитического прилагательного (*музыка нон-стоп*; *пропорция фифти-фифти*), категории состояния (ср., например, в диалоге: – *Ты уверен, что он нас поддержит?* – *Не знаю, фифти-фифти*, т.е. *вероятно, возможно*). Эта особенность сближает наречия с другими **полифункциональными** неизменяемыми словами

²³ Здесь и далее: ТСИС – *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. - 2-е изд. – М., 2000.

²⁴ Субстандартная речь имеет и «свои» суффиксы для оформления глагольных иноязычных основ (суффиксы литературного языка *-ирова-/-изирова-* в жаргонах не используются). Распространёнными суффиксами являются суффиксы *-а-*, *-и-* (*коннектиться* комп. ‘соединяться’), *-ну-* (*страйкнуть* комп. ‘нажать кнопку’), *-ова-*: *миксовать* (от англ. to mix; ср. литературный глагол *микшировать*).

– несклоняемыми существительными и аналитическими прилагательными, способными выполнять функции разных частей речи.²⁵

Субстандарт «охотнее» принимает наречия. Некоторые наречия оформляются в жаргоне «в подражание» русским наречиям на *-о* (*файно* < fine ‘хорошо, прекрасно’) или *-ом* (*ездить хичом* ‘автостопом’ < hitchhike ‘поездка автостопом на попутной машине’ [СЗА; ССМЖ²⁶]; *нон-стопом*).

Следует особо отметить, что в субстандарте гораздо шире, чем в литературном языке, представлен частеречный состав иноязычной лексики.²⁷ Активно используются этикетные формулы (приветствия, прощания и т.п.): *хай*, *хэлоу*; *чао*, *бай*, *иксхьюз* ‘извините’, *сэнкс* ‘спасибо’, ставшие уже интернациональными в молодёжных субкультурах.

Яркая черта заимствования в жаргоне – «переход» из чужого языка междометий. В конце 90-х гг. XX в. в молодёжной среде закрепились за относительно короткий срок (приблизительно пять лет) междометия *вау!/уау!* < wow (выражение восхищения, удивления, восторга и т.п.) и *ес!/йес!* < yes (возглас одобрения, выражение чувства удовлетворения; произносится с характерной англоязычной интонацией). В XXI в. оба междометия, особенно *вау*, используются не только носителями жаргона – их можно услышать в ситуации непринуждённого общения в речи людей молодого возраста, в том числе детей; их можно услышать и в речи теле- и радиоведущих.²⁸ В той же среде популярны также междометия *супер*²⁹ «возглас, выражающий высшую оценку» [АЛ] и *окей*.

Четвёртая глава диссертации – «Семантическое освоение иноязычных слов на рубеже XX-XXI вв.». Иноязычное слово, поступающее в язык-реципиент, представляет собой, как и любая двусторонняя единица языка, единство плана выражения и плана содержания. Русификации в процессе заимствования подвергаются обе стороны – и план выражения (звуковой, графический, грамматический облик слова), и план содержания (лексическое значение слова). Лексическое значение новозаимствованного слова

²⁵ В языке новейшего времени в сфере заимствованной и заимствуемой лексики грамматическая полифункциональность присуща всем неизменяемым словам, что является одним из ярких свидетельств усилившейся на рубеже тысячелетий тенденции к аналитизму.

²⁶ СЗА – Вальтер Х., Вовк О., Зумп А. и др. Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. – М., 2004; ССМЖ – Грачёв М.А. Словарь современного молодёжного жаргона. – М., 2006.

²⁷ См., например: *сингл* ‘один’ (от англ. single) – числительное; *джаст* ‘как только’ (от англ. just) – частица; *олл/оллы* < англ. all ‘все’ (в компьютерном сленге – обращение к подписчикам определённой конференции [СЗА]) – местоимение.

²⁸ Слово *вау* становится настолько популярным, что от него образуются уже производные (см. *вау-моменты* – так разработчики компьютерных игр называют эпизоды, вызывающие у игроков яркую положительную реакцию; *вау-импульсы* – у В.Пелевина).

²⁹ В конкретных речевых употреблениях слово *супер* может выступать как предикат (*Вот это было просто супер!*; *Уметь выступать публично – супер!*); категория состояния (*Было супер!*); наречие (*Отдохнули супер!*). В молодёжном жаргоне слово *супер* используется как одушевлённое существительное в значениях ‘член хулиганствующей молодёжной группировки’ [ССМЖ] и ‘супермен’ [СЗА].

формируется, уточняется, отшлифовывается по мере того, как слово включается в синтагматические и парадигматические связи со словами принимающего языка.

На рубеже XX-XXI вв. семантическая адаптация иноязычных неологизмов имеет свои особенности, т.к. проходит в период языковой нестабильности, в период активизации многих языковых процессов. Во-первых, формирование лексической семантики нового заимствования идёт ускоренными темпами: иноязычный неологизм за относительно короткий срок (5-10 лет) «стремится» стать полноценной единицей лексической системы, освобождаясь от неопределённости, размытости, диффузности значения. Во-вторых, семантические изменения, которые претерпевает слово чужого языка в момент заимствования, во многом обусловлены общими процессами, происходящими в русской лексике на рубеже тысячелетий. Таковы, например, деидеологизация лексики (конец XX в.); активная ассимиляция иноязычных лексических средств; актуализация слов, находившихся ранее на периферии языка; трансформация семантики и стремительное развитие полисемии слов некоторых тематических групп; обновление сочетаемости слов; формирование новых тематических групп лексики и др. «Свежие» заимствования оказываются вовлечёнными в эти процессы. Так, например, в современной речи новые иноязычные слова активно «втягиваются» в процесс метафоризации, семантической деривации, детерминологизации, фразеологизации и др. Участие нового слова в общих семантических процессах, происходящих в русской лексике, ускоряет его русификацию.

Исходя из этих наблюдений семантическое освоение иноязычных слов, заимствованных в конце XX - начале XXI вв. или актуализировавшихся в данный период, рассматривается в данной главе в общем контексте активных процессов в современном русском языке. В то же время мы обращаем внимание на такие специфические явления, которые характеризуют именно процесс **лексического заимствования** – копирование/трансформация лексического значения слова-этимона; семантическое или/и стилистическое «отталкивание» иноязычного слова от его эквивалента и др.

Как уже отмечалось, на рубеже веков все языковые процессы протекают ускоренно. В то же время в семантическом освоении иноязычных неологизмов можно выделить несколько адаптационных этапов, или стадий. Для каждого из заимствуемых слов они будут разными по временному параметру, но одинаковыми или похожими качественно.

В первом разделе главы исследуются **особенности семантики иноязычных слов на начальном этапе заимствования**. Эта стадия характеризуется семантической диффузностью слова, расплывчатостью его значения, причём варьирование смысла происходит в пределах одного значения, т.к. слово заимствуется из чужого языка как моносемная единица. Особенности семантики нового слова отражаются на его

функционировании. Во-первых, новое иноязычие имеет на первых порах ограниченную сферу употребления и, как правило, бытует преимущественно в письменной речи; во-вторых, его употребление в текстах обычно поддерживается особыми метатекстовыми приёмами (перевод, дефиниция, синтаксическая фигура приложения, нанизывание синонимов и др.), цель которых – пояснить читателю значение³⁰; в-третьих, несмотря на ограниченную сферу употребления, слово с диффузной семантикой, как правило, имеет широкую, неупорядоченную сочетаемость (мы показываем это на примерах слов *фьюжн, спа, трэш, мейнстрим, гламур, экин* и др.) При первой фиксации слова разными словарями в толковании значения отражаются разные признаки обозначаемого словом понятия (таким образом различаются, например, толкования слов *ноу-хау, харизма*). С точки зрения восприятия говорящими, значительны различия в понимании значения нового иноязычия людьми разных социальных и возрастных групп. Тот или иной неологизм становится какое-то время своеобразным «тестом», выявляющим уровень образования человека, прежде всего знание им чужого языка; его профессиональную и социальную принадлежность и т.п.

Во втором разделе – «**Формирование лексического значения нового иноязычного слова**» – исследуется следующий этап семантического освоения иноязычного слова. Условно его можно назвать стадией семантизации: новая звуковая оболочка заполняется конкретным, индивидуальным смыслом, содержанием. Это может происходить таким образом: зыбкое, диффузное значение заимствуемого слова подводится сначала под его самый общий перевод (*имидж – образ; бутик – магазин; презентация – представление; кутюрье – модельер* и т.п.), затем значения или/и стилевая принадлежность соотносящихся слов дифференцируются. В результате за иноязычным словом закрепляется определённое значение (например, *кутюрье* ‘модельер, имеющий собственное дело и создающий высокохудожественные коллекции одежды’ [ТСИС]); слово занимает то или иное место в стилистической системе языка (*мониторинг* спец.). Выравнивается восприятие слова говорящими разных социальных и возрастных групп. Это проявляется в том, что слово выходит за пределы письменной речи и начинает употребляться в разговорной речи.

Важную роль в формировании лексического значения нового иноязычного слова играет способ семантического заимствования: **копирование** значения слова-этимона (ср. англ. *monitor* и рус. *монитор* ‘устройство отображения текстовой и графической информации, основанное на использовании электронно-лучевой трубки или жидких

³⁰ Интересную возможность для наблюдения за особенностями функционирования заимствуемого слова предоставляет поисковая система «Интегрум», позволяющая хронологически отображать тексты с заданным словом, начиная с момента первого его употребления в СМИ. Обследованный таким образом современный массмедийный дискурс продемонстрировал, что частота использования специальных способов подачи иноязычного слова зависит от степени его новизны: чем привычнее становится неологизм, тем реже используются эти способы, и наоборот.

кристаллов' [НАРС³¹; АЛ]) или **трансформация** значения (ср. англ. smile 'улыбка' и рус. *смайлик* 'набор символов, служащий для передачи различных эмоций в процессе интернет-общения').

Условием копирования значения является совпадение частеречной принадлежности «прототипа» и заимствуемого слова. Если в качестве «прототипа» выступает словосочетание языка-источника или аббревиатура, то, как правило, значение иноязычного слова копирует «сумму» значений, складывающуюся из значений слов, входящих в словосочетание, см.: *от кутюр* и франц. *haute couture* 'высокая мода'; *лав-стори* и англ. *love story* 'история любви'; *хай-тек* < Hi-Tech 'высокие технологии' и др. Если же при заимствовании меняется морфологическая принадлежность слова (русс. сущ. *экстрим* и англ. прил. *extreme*) или происходит субстантивация предложения языка-источника, обязательной становится трансформация лексического значения слова-этимона.

Однако и при совпадении части речи слова-этимона и заимствованного слова языка-реципиента может происходить трансформация лексического значения. Она может проявляться в виде следующих процессов: сужение лексического значения слова-этимона (ср. рус. *киллер* 'наёмный убийца' и англ. *killer* 'убийца' и др.); расширение лексического значения слова-этимона (*ник* 'прозвище, псевдоним' и англ. *nickname* 'интернетовский псевдоним пользователя'); появление положительной оценки («улучшение»³² лексического значения слова-этимона), см.: *бутик* 'модный магазин' от франц. *boutique* 'лавка, магазин' [ТСИС], *тюнинг* 'доводка внутреннего или внешнего автомобильного оборудования до уровня «люкс»' [НСИС] от англ. *tuning* 'регулировка двигателя' [НАРС] – или, напротив, отрицательной («ухудшение»), см.: *чёрный пиар* и др.

Особо рассматривается пласт иноязычной лексики, который поступает в литературный язык опосредованно, через субстандарт (так называемые внутренние заимствования), см.: *сингл*, *профи*, *лейбл*, *диджей* и др. Семантическая «обработка» таких единиц отличается от семантической адаптации непосредственных внешних заимствований: «бывшие» жаргонизмы претерпевают стилистическую нейтрализацию; для них характерно расширение лексического значения и др.

³¹ НАРС – Мюллер В.К. Новый большой англо-русский словарь. – М., 2006.

³² Термин О.С.Ахмановой (см., например, в [Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд-е 2-е. – М., 2004.]). Улучшение значения происходит в том случае, когда слово становится обозначением денотата (предмета, реалии), оцениваемого говорящими выше (по каким-либо параметрам), чем денотат, обозначаемый словом-этимонам (этот процесс называют ещё *мелиорацией*, «повышением в ранге», *глорификацией* [Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. Под ред. А.Н.Баранова и Д.О.Добровольского. – М., 2001; Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 2000. – С. 142-161). Ухудшение значения, напротив, связано с тем, что словом начинают обозначать предмет, вызывающий у говорящих отрицательное отношение [Ахманова: там же].

Третий раздел главы посвящён дальнейшему развитию семантики иноязычных слов. Мы относим этот процесс к последнему этапу семантического освоения. На этом этапе слово вовлекается в процесс семантической деривации, в результате чего его семантическая структура пополняется новым значением (или значениями), расширяется сфера употребления слова, его сочетаемость. Некоторые, как правило наиболее употребительные, иноязычные неологизмы развивают вторичные значения и в книжной, и в разговорной речи (*спонсор* ‘о любом человеке, оказывающем кому-л. материальную помощь’, *зомби* ‘безвольный апатичный человек’, *камикадзе* ‘смертник’ и др.). Ряд иноязычных слов становится высокочастотным именно в новом значении (*пиар* ‘формирование мнения о ком-, чём-л.’, *аутсайдер* ‘неудачник’ и др.). Полисемия новых иноязычий отражается и на других участках языковой системы. Так, если у иноязычного слова появляется новый лексико-семантический вариант (ЛСВ), то слово, образованное на базе иноязычия, тоже пополняет свою семантическую структуру новым значением (ср. *зомби* перен. и *зомбировать население*; *зомбированный электорат*). Иноязычное слово в новом значении может образовать новую синонимическую пару (*рейтинг* перен. – *популярность, известность*) или включиться в другой синонимический ряд (ср. *виртуальный* – *возможный, потенциальный*; *виртуальный* – *сетевой, электронный*; *виртуальный* – *ирреальный, мнимый, вымышленный*); оно может стать также компонентом фразеологического сочетания (*брать тайм-аут, хит сезона, виртуальная реальность*). Полисемия иноязычного слова отражается нередко и на его грамматическом поведении. Разные ЛСВ одного и того же слова могут по-разному относиться к грамматической категории числа (*джинсы* – *джинса* ‘заказная тематика в СМИ’), к категории одушевлённости/неодушевлённости (*модель, пилот*); могут принадлежать к разным грамматическим разрядам (*гламур* как абстрактное существительное и *гламур* как собирательное существительное – см.: *Собрался весь столичный гламур*).

Таким образом, в процессе семантического освоения иноязычной лексики непосредственно задействованы многие единицы языка, а также его основные механизмы; актуализированы его ресурсы. В некоторых адаптационных процессах, таких, как, например, метафоризация, фразеологическая деривация (на базе нового иноязычного слова), оказываются востребованными имеющиеся в языке «порождающие» модели. Например, модель метафорического переноса «жанр искусства → событие», реализованная в таких устойчивых употреблениях, как *комедия* (о забавном происшествии), *фарс* (*Не собрание, а фарс какой-то!*), *драма* (*семейная*) и др., породила ряд новых метафор на базе иноязычных слов, см.: (*политический*) *триллер*, (*политическое*) *шоу*, (*политический*) *экин*, *ток-шоу* (о заседании правительства), *блокбастер* (о действиях НАТО), *римейк* (*политической стратегии*) и др.

Таковы общие черты основных стадий семантического освоения иноязычных слов. Необходимо отметить, что особенности адаптации слова как на начальной стадии, так и на последующих стадиях зависят от того, к какому типу иноязычной лексики оно относится. При заимствовании слов, не имеющих эквивалентов на русской почве, происходит преимущественно копирование лексического значения слова-этимона (*бейдж, дискета, пейджер, файл, провайдер*; см. также экзотизмы: *интифада, грин-кард*); при заимствовании эквивалентных лексем – трансформация слова-этимона (*киллер, бутик, рэкет, электорат* и др.). Эквивалентное слово пристраивается к уже существующим синонимическим парам или рядам (*творческий, созидательный, креативный; исключительный, единственный, уникальный, эксклюзивный*). Безэквивалентное слово само становится отправной точкой для нового синонимического ряда, новой синонимической пары, см.: *триал – велоакробатика; копирайтер – текстовик; данспол – танцпол; маркер – текстовыделитель* и др.

Дальнейшее развитие семантики слов эквивалентной лексики протекает в постоянном взаимодействии с их синонимами. Именно в сфере эквивалентной иноязычной лексики заметно действие **языковой аналогии** в процессе её освоения. Так, от своего эквивалента иноязычный неологизм может получить в наследство модель метафорического переноса (ср. *политический ярлык → политический лейбл*).

Особенности семантической адаптации зависят также от того, мотивированным или немотивированным приходит на русскую почву иноязычное слово. На рубеже XX-XXI вв. увеличилось количество параллельных заимствований – слов, пришедших из одного и того же языка-источника с общим корнем: *имидж, имиджмент, имиджмейкер, имиджмейкинг, имидж-трансфер; тьютор, тьюториал, тьюторинг* и др. Те заимствования, которые поступают в русский язык уже после того, как в нём освоились однокоренные слова, воспринимаются говорящими как более или менее мотивированные. Наличие мотивированности способствует адекватному пониманию нового слова уже на начальном этапе его адаптации. Немотивированные иноязычные слова (а такие единицы преобладают среди заимствований) осваиваются без опоры на какое-либо родство в принимающем языке. Такие заимствования прежде всего нуждаются в корректной подаче в текстах, рассчитанных на широкого адресата.

По-разному осваиваются и слова, относящиеся к таким типам заимствований, как терминологические/нетерминологические. Различие проявляется, например, в развитии у слов данных типов полисемии. Слова с первичным терминологическим значением, т.е. заимствованные из чужого языка как термины, порождают новый ЛСВ в большинстве случаев с помощью метафорического переноса (*экология языка, бренд года*), тогда как общеупотребительные слова часто развивают новое значение на основе метонимического

сдвига (ср. слова *пилинг* ‘очистка кожи’ и ‘очищающий крем’, *пирсинг* ‘прокалывание различных частей тела и укрепление в образовавшемся отверстии украшений’ и ‘украшение, вставляемое в место прокола’ и др.).

Подчеркнём, что процесс освоения семантики иноязычий на рубеже тысячелетий приобретает специфические черты в условиях интенсивной интернационализации лексики. На современном этапе в семантической адаптации иноязычных слов преобладает следующий сценарий. Чаще всего при формировании семантики неологизма русский язык избирает **копирование** лексического значения слова-этимона (именно этот способ характерен для заимствования интернационального слова) – *бартер, брокер, видео, гастарбайтер, грант, дистрибьютор, Интернет, курсор, папарацци, принтер, скинхед, хакер, чип* и др. Если же происходит трансформация исходной семантики, то обычно она проявляется в **сужении** лексического значения слова-этимона (см. примеры выше). В процессе семантической деривации новый ЛСВ появляется традиционными способами – с помощью метафоры или метонимии или же на основе **расширения** первичного значения заимствованного слова (*фьюжн* ‘смесь, смешение’, *хит* ‘что-л. популярное, пользующееся спросом’ и др.). Чем больше новых значений обогащает семантическую структуру нового слова, тем разнообразнее его сочетаемость и выше частотность в речи.

Источником новых значений иноязычных лексем на рубеже веков, наряду с семантической деривацией, является **вторичное** заимствование: из английского языка приходят новые значения, закрепляясь за словами, заимствованными ранее.³³ Процесс этот, активизировавшийся именно в новейшее время, имеет непосредственное отношение к интернационализации лексики, т.к. заимствуемые значения «присваиваются» в подавляющем большинстве случаев словам греко-латинского происхождения или европеизмам, входящим в международный словарный фонд (см. компьютерные термины *адрес, архив, библиотека, меню* и т.п.).

Особенности семантического освоения иноязычной лексики в конце XX – начале XXI вв. связаны не только с интернационализацией лексики, но и с некоторыми другими активными языковыми процессами и основными тенденциями языкового развития. Например, появление терминологического значения у слов общеупотребительной лексики, специализация значения иноязычного слова по сравнению с его эквивалентом (*саунд* – звук), дифференциация значений внутри ряда слов близкой семантики, обусловленная

³³ Результатом вторичного заимствования может быть и омонимия слов. Впервые на эту проблему обратил внимание Л.П.Крысин, см. [Крысин Л.П. Вторичное заимствование и его описание в толковом словаре // Русский язык сегодня. Вып. 3. Сб. статей. – М., 2004. – С. 143-149]. В нашей работе приводится около двадцати новых омонимичных пар, появившихся в результате вторичного заимствования. Многие из них ещё не зафиксированы лексикографически, см., например: *кейс* ‘дипломат, портфель’ и *кейс* ‘методика моделирования и анализа ситуаций в сфере бизнеса’ (от англ. case ‘случай’).

усложнением профессиональной деятельности (*ремейк – ремикс – кавер-версия – трибьют*), способствуют дальнейшей **интеллектуализации** лексики.³⁴ Активный характер имеют такие явления, как расширение сферы употребления терминов, их детерминологизация (*дежавю, сервер, процессор, интерактивный* и др.), переход в литературный язык и освоение в нём иноязычных слов, заимствованных первоначально субстандартом, что вызвано действием тенденции к **демократизации** языка.

Исследуемый период, если говорить о семантических процессах в иноязычной лексике, отличает стремление говорящих к **множественности** обозначений одного и того же фрагмента действительности.³⁵ В результате современный человек получает огромный запас как однословных, так и составных номинаций, позволяющий использовать эти ресурсы в разных стилях, жанрах, целях, в разных сферах общения, с разными коммуникативными установками и т.п.

Мы рассмотрели процесс семантического освоения иноязычной лексики на рубеже веков, а также некоторые явления, сопутствующие данному процессу, на материале 779 лексических единиц. Из них примерно 60% составляют иноязычные слова, заимствованные в конце XX в. (*Интернет, пиар, сайт, саммит*); 10% – иноязычные слова, пришедшие в русский язык в начале XXI вв. (*флеш-моб, блютуз, фрисби*). Приблизительно 30% слов были заимствованы ранее, до рубежа XX и XXI столетий (*бизнесмен, менеджер, мэр*). Последние стали предметом нашего рассмотрения потому, что некоторые из них активизировались именно в указанный период и подверглись заметным семантическим изменениям. Значительную часть таких слов составляют идеологические экзотизмы (*бизнес, бизнесмен, менеджер, маркетинг, промоутер, лобби, продюсер* и др.). Из разряда пассивной лексики они перешли в разряд активной лексики, т.е. с периферии языка – в центр; утратили локальную окраску и идеологический налёт, доставшийся им с советских времён. Деэкзотизация захватила иноязычную лексику разных сфер коммуникации – от политической до бытовой – и разных тематических групп. Для многих бывших экзотизмов этот процесс завершился обогащением их семантической структуры новыми значениями (*камикадзе, гуру, мафия, зомби*). Для языка в целом деэкзотизация лексики на рубеже веков стала источником семантического обновления. Так же, как и заимствование новых лексем,

³⁴ Об интеллектуализации языка как одной из ведущих современных тенденций см.: [Лейчик В.М. Интеллектуализация и демократизация – противоположные тенденции в развитии современного русского литературного языка // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы Междунар. научн. конф. – М., 2003. – С. 420-423].

³⁵ Богатая синонимия сопровождается ещё и варьированием слова с формальной точки зрения, в плане выражения (ср. *Интернет – Сеть – Всемирная паутина – киберпространство – киберпейс* и *Интернет – Инет – нет*). В сфере иноязычной лексики заметное место занимает однокоренная синонимия, связывающая слова, как правило, отношениями дублетности (*инсталляция – инсталлирование; архивация – архивирование* и др.).

возвращение к жизни старых привело к значимым изменениям в лексической парадигматике, прежде всего синонимике: обновлённые иноязычия пополнили существующие синонимические ряды и пары³⁶, а некоторые стали «инициаторами» новых синонимических цепочек (*уикенд – выходные; джип – внедорожник* и др.).

В характере изменений, которые претерпели старые заимствования, наметилось общее направление адаптационных процессов **новых** заимствований. Его можно обозначить так: **конкуренция иноязычных слов с лексическими единицами заимствующего языка, стремление органично влиться в систему и стать «своими»**. Такой вывод позволяют сделать рассмотренные в данной главе процессы, а именно повышение иноязычного слова «в ранге», специализация значения (по сравнению с эквивалентом), передвижение с периферии к центру, развитие новых значений, выстраивание парадигматических отношений с другими единицами языка.

В пятой главе «Словообразовательная адаптация иноязычных слов» освещаются такие вопросы: место нового иноязычного слова в русской словообразовательной системе и его участие в деривационных процессах в разных сферах языка.

В первом разделе мы показываем, что словообразовательные возможности иноязычного слова зависят от типа иноязычной лексики, к которой он принадлежит (безэквивалентной - эквивалентной), и от типа его лексического значения (экзотическое – неэкзотическое; терминологическое - нетерминологическое). Структурные ограничения для деривации незначительны.

Во втором разделе рассматриваются особенности формирования новых словообразовательных гнёзд, вершинами которых являются новые иноязычные слова.

В третьем разделе анализируются с точки зрения номинации, способа словообразования, стилистической окраски производные, образованные от иноязычных неологизмов в литературном языке. Среди многочисленных производных (их количество в несколько раз превышает количество самих заимствований) выделяются новые номинации признаков, лиц, действий, предметов.

Деривативная активность нового иноязычного слова является важным показателем его освоения в языке-реципиенте. Безусловно, такую активность неологизм проявляет только в том случае, если он успешно осваивается с точки зрения содержания; иными словами, если его лексическое значение усвоено говорящими. Включение нового иноязычия в процессы деривации и гнездования заслуживает особого рассмотрения, поскольку укоренение иноязычного слова в принимающем языке происходит на основе его взаимодействия с

³⁶ Вот некоторые из них: *наставник, учитель, гуру; робот* (перен.), *марионетка* (перен.), *манекен* (перен.), *зомби* (перен.); *высший свет, бомонд, элита, истеблишмент* (перен.); *представление, зрелище, гала* (перен.), *шоу, перформанс* (перен.) и др.

единицами не только лексического, но и словообразовательного уровня (иноязычное слово, выступая в качестве производящего, включается в определённую словообразовательную парадигму, словообразовательную модель; соотносится с определёнными средствами, способами словопроизводства).

Словообразовательная адаптация заимствуемых слов на современном этапе отмечена двумя яркими особенностями. Во-первых, она имеет ускоренный характер; об этом свидетельствует интенсивное формирование на базе многих иноязычных неологизмов (*рейтинг, пиар, компьютер, менеджмент, спонсор* и др.) словообразовательных гнезд. Во-вторых, в зависимости от того, какое место занимает иноязычное слово в словообразовательной системе принимающего языка, его адаптация на этом языковом уровне проявляется в двух формах – активной и пассивной.

Об **активной** словообразовательной адаптации можно говорить в том случае, когда иноязычный неологизм становится **производящим словом** для новых лексических единиц, вершиной, или центром, нового словообразовательного гнезда, т.е. участвует в деривации (*бренд > брендовый; имидж > имиджевый; роуминг > роуминговый* и т.п.). **Пассивная** словообразовательная адаптация протекает иначе: иноязычный неологизм уже в момент заимствования представляет собой в словообразовательной системе языка-реципиента **производное слово**, т.е. входит в отношения производности с однокоренным словом, заимствованным ранее. Такой форме адаптации подвергаются иноязычные слова, которые мы отнесли к группе мотивированных заимствований. См., например, англицизмы *банкинг* (ср. *банк*); *брендинг* (ср. *бренд*); *имиджмейкер* (ср. *имидж*); *роумер* (ср. *роуминг*) и др. В системе принимающего языка они не являются «продуктом» деривационного процесса (в деривации участвовал их этимон в языке-источнике). Их адаптация заключается в том, что, оказываясь с синхронической точки зрения производными словами, они занимают определённое место в словообразовательной системе языка-реципиента (в качестве члена словообразовательной пары, ряда или гнезда).

Мы показали, что за счёт заимствования слов чужого языка, связанных между собой отношениями производности, русский язык получает готовые словообразовательные микропарадигмы. Наиболее частотные из них – пары имён существительных, связанных отношением ‘действие/деятельность – деятель’ (*менеджмент – менеджер, имиджмейкинг – имиджмейкер, промоушен – промоутер* и др.).

В подавляющем большинстве случаев заимствованные микропарадигмы состоят из имён существительных, т.к. слова именно этой части речи чаще всего переходят из чужого языка. Однако в процессе дальнейшего формирования словообразовательного гнезда новые звенья могут представлять собой слова других частей речи. Наиболее частотным

«отыноязычным» дериватом, с точки зрения частеречной принадлежности, является имя прилагательное (*рейтинговый*); в настоящее время активно образуются и глаголы (*рейтинговать* [АЛ]); чуть реже – наречия (*рейтингово* [АЛ]).

Общая категориальная картина новых номинаций, пополняющих лексику языка путём заимствования и деривации, выравнивается. Два этих процесса – заимствование и словообразование – выполняют по отношению друг к другу компенсаторную функцию. Так, например, словообразование значительно уступает лексическому заимствованию в «поставке» языку **новых номинаций предметов**: основным источником таких номинаций является именно заимствование (см. *компьютер, принтер, инсталляция, джип* и т.д.). В то же время словообразование активно порождает **вторичные** номинации тех же предметов в некодифицированной речи (ср. *комп/компик, принтак, инсталляшка, джипяра*). Среди **новых номинаций признаков**, представленных прилагательными, число заимствований незначительно. Однако словообразование компенсирует это активным производством имён прилагательных от основ заимствованных субстантивов (*бутиковый, интернетовский, модемный, оффшорный* и др.). Редко заимствуются **номинации действий**, выраженных глаголами.³⁷ Количество же новых глагольных лексем, создаваемых уже на русской почве на базе иноязычных неологизмов, постоянно растёт (см. *спонсировать, ксерить, пиарить, спамить, факсовать, рейтинговать, переформатировать, перепрограммировать* и др.).

Заимствование слов часто представляется избыточным и даже неоправданным явлением. Прежде всего такое представление формируют иноязычные слова, имеющие на русской почве эквиваленты (*тинейджер, мейкап, суицид, электорат* ‘избиратели’ и т.п.), т.е. слова, поступающие в язык в качестве вторичных номинаций существующих реалий и понятий. Однако, как показывает анализ производных слов, словообразование так же, как и заимствование, поставляет на некоторые участки системы номинации, не являющиеся единственными обозначениями предметов. Это могут быть синонимичные наименования одного и того же лица (*рекламист – рекламищик, вирмейкер – вирусписатель*), признака (*факсный – факсовый, харизматический – харизматичный*), предмета (*авизо – авизовка*), действия (*диджействовать – диджеить; лоббизм – лоббирование*), понятия (*чатикет – нетикет*). Складывается впечатление, что язык не боится избыточности – напротив, стремится к ней, создавая большой запас разнообразных средств выражения.

³⁷ Выше мы приводили примеры заимствованных глаголов (*микишировать, сканировать, шунтировать* и др.). Подчеркнём, что при заимствовании иноязычный глагол всегда получает грамматическое оформление в виде суффикса *-ирова/-изирова-*, уподобляясь тем самым образованиям, созданным на русской почве с помощью этих же суффиксов. О проблеме разграничения «своего» и «чужого» среди глаголов с иноязычным корнем мы пишем в гл. I. См. также об этом: [Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. – М., 1968. – С. 118].

Таким образом, заимствование и словообразование как два основных источника пополнения и обновления лексического состава языка имеют много общего по своим функциям.³⁸ В литературном языке их функция прежде всего **номинативная**: в результате этих процессов язык пополняется новыми номинативными единицами, обозначениями новых реалий и т.п. Кроме того, и заимствование, и словообразование выполняют также **компрессивную**³⁹ функцию: в некоторых случаях заимствуемые единицы или новые производные слова оказываются компактными наименованиями предметов или понятий, не имеющих в языке однословных обозначений (ср. *vip* < VIP ‘особо важная персона’; *КПК* ‘карманный персональный компьютер’). В неcodифицированных сферах языка доминирующей функцией сопоставляемых процессов является **экспрессивная** (см.: *супер!*; *вау!*; *сервак* ‘сервер’, *клипец* ‘клип’ и т.п.).

Важной функцией и словообразования, и заимствования является **стилистическая**: создавая вторичные номинации объектов и понятий или заимствуя их, говорящие получают возможность использовать ту или иную номинацию (из ряда параллельных) в соответствии с потребностями речевой ситуации, в определённых речевых условиях, в тексте определённого стиля, жанра и т.п. Множественность обозначений одного и того же денотата в условиях стремительно усложняющейся действительности расширяет стилистические возможности языковой системы, даёт возможность выбора языкового средства выражения в тех случаях, когда носитель языка выступает коммуникантом в самых разных сферах общения.

Заключение.

Усилившееся на рубеже XX-XXI вв. лексическое заимствование приводит к тому, что адаптационный механизм русского языка становится более налаженным, бесперебойным. Об этом прежде всего свидетельствуют два факта:

- ускоренный переход иноязычного неологизма на кириллицу или его одновременное функционирование в двух графических вариантах (часто в пределах одного текста);
- активное участие нового слова в деривационных процессах, в особенности в словопроизводстве.

Однако ускоренная адаптация иноязычной лексики не является основанием для прогнозирования результатов заимствования. Множество слов прошли фонетическую адаптацию, пишутся кириллицей, имеют своё строго индивидуальное значение, имеют производные, но при этом остаются на **периферии** языка в пределах какой-либо языковой

³⁸ Как писал А.И.Смирницкий, в заимствовании можно увидеть «некоторое более или менее заметное подобие словообразования» [*Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. – М., 1998. – с. 237].

³⁹ Об основных функциях словообразования пишет Е.А.Земская в [*Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. – М., 1992. – С. 8-12].

микросистемы (обычно обслуживающей ту или иную профессиональную сферу). См.: *трибьют, трибьютный альбом, саундчек* – у рок-музыкантов; *тюнинг* и *тюнинговать, тюнинговый, тюнингованный, затюнингованный, тюнингер* – у автомобилистов и т.п. Внутри этой микросистемы слово осваивается быстро, однако большинство носителей языка могут не знать о существовании и функционировании этого слова или относить его к редким словам.

Иными словами, стремительная русификация слова (включение в систему русского языка, обработка на всех языковых уровнях) ещё не делает его полноценной единицей языка – в том смысле, который вкладывался в это понятие традиционной теорией заимствования, т.е. общеупотребительным, стилистически нейтральным словом.

В то же время возрастает роль периферии как накопителя новых (не только лексико-семантических, но и грамматических) явлений и как посредника между языком-источником и русским литературным языком.

Для **закрепления слова в ядерной части** лексики значимыми являются следующие факторы:

- актуальность реалии, обозначаемой словом; её высокая распространённость;
- вхождение слова в состав интернациональной лексики (ранее последний фактор не был таким важным – и потому не назывался – в силу экстралингвистических условий: заимствование проходило в «закрытой» стране, в отсутствие контактов с другими народами, странами, культурами и т.п.).

На **характер адаптации** заимствуемых слов оказывает сильнейшее влияние окончательная смена к концу XX в. доминирующего языка-источника (в подавляющем большинстве случаев, как и во многих других языках-реципиентах, это американский вариант английского языка). В результате среди поступающих в русский язык новых иноязычных слов формируются группы идентичных по структуре лексем, освоение которых проходит в общем русле, по одинаковым или похожим схемам. Перечислим основные группы с указанием отдельных общих черт в адаптации слов, входящих в каждую из групп.

1. Имена существительные, восходящие к сложным словам или словосочетаниям в языке-источнике (*массмедиа, флеш-моб, праймтайм*). Эта группа активно пополняется на рубеже веков новыми единицами. Для их адаптации характерно орфографическое варьирование (слитное, дефисное или раздельное написание); произношение с побочным ударением (*мáссмэдиа*); варьирование по признаку склоняемости/несклоняемости (*индустрия фаст-фуда/индустрия фаст-фуд*) или – для некоторых лексем – отсутствие

словоизменения (в последнем случае нередко оказывается невыраженной, нереализованной в речи грамматическая категория рода – *отказаться от плей-офф*).

2. «Инговые» имена существительные – ещё одна заметно пополняемая с конца XX в. группа иноязычий. До последнего времени англицизмы с исходом *-инг < -ing* при заимствовании входили преимущественно в разряд субстантивов *singularia tantum*. Наблюдения за их употреблением в русской речи показывают, что они стали более последовательно русифицироваться с точки зрения числового противопоставления. Основная масса слов на *-инг* употребляется в русской речи в форме как единственного, так и множественного числа (слов на *-инг*, не зафиксированных нами в форме множественного числа, всего около 7%; общее число исследованных единиц – 165). Некоторые англицизмы уже на русской почве развили новое значение, которое закрепилось именно за формой множественного числа. Такие неосемантизмы в результате лексикализации множественного числа дополнили разряд существительных *pluralia tantum* (*тренинги* ‘спортивные тапочки’).

Свидетельством ускоренной русификации инговых субстантивов является и тот факт, что они, как правило, сразу получают кириллический вариант написания, минуя стадию написания в оригинальной графике. Отметим также, что в этой группе лексики отдельные слова относятся к мотивированным словам (см. *банкинг, консалтинг, прессинг* и т.п.), имеющим в русском языке «родственников» (ср. *банк, консультировать, пресс*). Наличие мотивированности позволяет заимствуемым словам активно «пристраиваться» к существующим в языке-реципиенте парадигмам.

Ещё одна новая особенность в освоении инговых существительных – способность образовывать глаголы, см.: *рейтинговать, прессинговать* и др. (ср. ранее только *митинговать*).⁴⁰

3. Имена существительные на *-с/-з*, восходящие этимологически к формам множественного числа с формантом *-s*, не так многочисленны, как слова предыдущей группы. Но следует сказать и о них, т.к. в их адаптации также наблюдаются общие черты. В предыдущие периоды истории русского языка подобные слова оформлялись окончаниями (необычно было то, что форма единственного числа этимологически восходила к плюралю – *кекс, рельс*). В XX - начале XXI в. видим отступление от традиции – отсутствие системы окончаний и, следовательно, словоизменения у слов на *-с/-з* (*контрас, праймериз* и др.). Можно сказать, что формируется новая «модель» грамматического освоения таких слов. Есть и случаи, когда слова, восходящие к форме

⁴⁰ К основам инговых существительных присоединяется суффикс *-ова-* (как известно, ранее этот суффикс присоединялся, за некоторым исключением, к основам слов исконного происхождения).

множественного числа, на русской почве становятся существительными, употребляющимися только в единственном числе (*дартс*, *сокс*⁴¹ – названия спортивных развлечений).

Кроме того, для новых слов на *-с/-з* характерно фонематическое варьирование: варьирующие единицы различаются наличием/отсутствием последнего согласного (тождество лексического значения при этом сохраняется), см.: *фьючерс* – *фьючер*, *группиз* ‘особо преданные поклонницы какого-л. певца или группы’ – *группи*.

4. Имена существительные на *-шин*, *-жн*. В работе много внимания уделялось этой группе слов с нетрадиционным для русского языка исходом. Все они имеют фонематические варианты, различающиеся наличием/отсутствием звука [э] – *промоушин/промоушен* (второй вариант благозвучнее и привычнее для русского языка, ср. *вишен*). Словоизменение таких слов замедляется – из-за необычности исхода. Вследствие этого некоторое время в русской речи функционируют грамматические варианты слов на *-шин*, *-жн*, различающиеся по признаку склоняемости/несклоняемости (ср. *девушка на ресепшин* – *девушка на ресепшине*). По-видимому, необычный исход влияет и на графическую адаптацию слов: первоначально слова на *-шин*, *-жн* какое-то время воспроизводятся в русских текстах в оригинальной графике (см., например *fashion*, *fiction*, *fusion*).

Таковы, на наш взгляд, основные группы одноструктурных иноязычных слов, адаптация которых имеет общие черты. Безусловно, интерес представляют и другие, менее многочисленные группы заимствований, отмечавшиеся в работе. Так, слова на *-мент* (*менеджмент*, *имиджмент*, *импичмент* и др.) английского происхождения могут произноситься с твёрдым согласным [м], хотя ранее заимствованные слова французского происхождения, оканчивающиеся на *-мент*, произносятся с мягким [м']. С твёрдым [м] (и с побочным ударением) произносятся слова на *-мейкер* (*имиджмейкер*, *видеомейкер* и др.); сам компонент *-мейкер* уже претендует на «звание» суффикса, т.к. используется в образовании новых слов в русском языке (*вирмейкер*, *слухмейкер*). В несклоняемых существительных на *-о* (с безударным последним слогом – *мачо*, *лечо* и др.) по-прежнему сохраняется такая орфоэпическая особенность, как безударный [о], однако в словах с возможным безударным [о] в других позициях (не на конце слова) произносится редуцированный гласный, что соответствует законам русской фонетики (см.: *логин*, *модем*, *монитор*, *консалтинг* и др.; искл. – [о]кей).⁴²

⁴¹ Слово *сокс* ‘игра в самодельный мячик’ широко известно в подростковой и молодёжной среде. Оно зафиксировано в [ССМЖ].

⁴² Ранее заимствованные слова (*бокал*, *сонет*, *поэт* и др.) произносились двояко: либо с безударным [о] – согласно орфоэпической норме, либо с редуцированным гласным; см. об этом, в частности: [Гловинская М.Я.

Говоря об общих структурных особенностях современных заимствований, нельзя не отметить тот факт, что подавляющее большинство иноязычных существительных оканчивается согласным звуком (что, видимо, объясняется заимствованием из одного языка-источника). По этой причине родовая адаптация иноязычных субстантивов на рубеже XX-XXI вв. имеет свои особенности, а именно: значительно преобладают существительные мужского рода; иноязычные существительные, оформившиеся как существительные женского рода, редки (в основном, это наименования лица); ослаблены позиции среднего рода. При отнесении того или иного иноязычного неологизма к категории рода уходит такой важный для русского языка XVIII-XIX вв. фактор, как влияние рода слова в языке-источнике, что приводит к сокращению случаев морфологического варьирования существительных по роду (типа *бандана* – *бандан*). Напротив, усиливается синтаксическое варьирование по роду несклоняемых существительных (*один евро* и *одно евро* – в разг. речи; *открывшееся биеннале* и *открывшаяся биеннале* и т.п.). Всё чаще род несклоняемого субстантива формируется под действием принципа аналогии – «перенимается» род слова-эквивалента или близкого по значению слова русского языка (ср. *евро* м.р. и *доллар, рубль* м.р.; *биеннале* ж.р. и *выставка* ж.р. и т.п.).

Аналогия заимствуемого слова с русским словом (исконным или заимствованным ранее, «обрусевшим») является ведущим фактором, определяющим особенности освоения слова и на других участках языка. Слово языка-реципиента, с которым соотносится (по смыслу или/и по структуре) новое иноязычное слово, выступает по отношению к последнему как грамматический образец. Связи иноязычного слова с уже существующими в русском языке словами оказываются решающими и в процессе его семантического освоения.

Одна из наметившихся тенденций рубежа XX-XXI веков – стремление говорящих к множественности наименований. В период интенсивности многих языковых процессов, в период языковой нестабильности происходит активное накопление обозначений одного и того же денотата, фрагмента действительности, в результате чего современный человек получает огромный запас как однословных, так и составных номинаций, необходимых ему в постоянно усложняющейся жизни, связанной с дальнейшей дифференциацией сфер человеческой деятельности.

Основное содержание диссертации отражено в следующих работах автора:

Монография

Иноязычные слова в современной русской речи конца XX - начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования. – М.: Изд-во «Элпис», 2008. – 496 с.

Статьи

1. Варьирование иноязычных слов в современной русской речи // Учёные записки МСА. Вып. 6. Н. Новгород, 2000. – С. 150-153.
2. Иноязычное слово: термин, понятие, реалия. // Слово, грамматика, текст в антропоцентрической лингвистике. Сб. статей. – Иркутск, 2003. – С. 75-86.
3. Экзотизмы как лингвистический феномен // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Филология. Вып. 4. Н. Новгород, 2003. – С. 138-142.
4. Семантическая деривация в сфере иноязычной неологии // Проблемы языковой картины мира на современном этапе. Сб. статей по материалам региональной научн. конф. молодых учёных, 19-20 марта 2003 г. Вып. 2 – Н. Новгород: изд-во НГПУ, 2003. – С. 61-63.
5. Иноязычная неология: перспективы изучения // Актуальные проблемы современной филологии: Межвуз. сборник научн. трудов. – Киров, 2003. – С. 53-56.
6. Иноязычное слово в контексте городской жизни // Жизнь провинции как феномен русской духовности: Сб. статей по материалам I Всеросс. научн. конф. (апрель 2003 г.) – Н.Новгород: Изд-во «Вектор – ТиС», 2003. – С. 112-119.
7. Особенности лексического заимствования в русском языке на рубеже веков // Проблемы прикладной лингвистики: Сб. статей Междунар. научно-практич. конференции. 18-19 дек. 2003 г. – Пенза, 2003. – С. 139-141.
8. Неологическая лексика русского языка на рубеже веков: проблемы изучения и описания // Язык. Речь. Речевая деятельность. Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 6. – Н. Новгород: изд-во НГЛУ, 2003. – С. 102-112.
9. Типологическое описание иноязычных слов в русском языке // Изучение и преподавание русского языка в современных условиях: Сб. научн. статей. – Ульяновск, 2003. – С. 32 –39.
10. Об одном типе неологизмов в русской речи // Разноуровневые характеристики лексических единиц: Сб. научн. статей по материалам докладов и сообщений конференции (Смоленск, 30-31 марта 2004 г.) – Смоленск, 2004. Ч. 2. – С. 55-61.

11. «Дебют»: история слова за два века (XIX–XXI) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Филология. Вып. 5. Н.Новгород, 2004. – С. 177-180 (в соавторстве с Винокуровой Ю.А.).
12. Лексическое заимствование на рубеже XX-XXI вв. (общая характеристика и сопутствующие процессы) // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. статей по материалам всеросс. научн. конф. молодых учёных 16-17 марта 2004. – Н.Новгород, 2004. – С. 109-113.
13. Сниженные варианты иноязычных слов в современной речи // Жизнь провинции как феномен духовности: Сб. статей по материалам Междунар. конференции (апрель, 2004 г.) – Н. Новгород, 2004. – С. 275-276.
14. Основные переходные явления в сфере иноязычной неологии. // *Res philologica: Учёные записки Северодвинского филиала Поморского гос. ун-та.* Вып. 4 – Архангельск, Поморский ун-т, 2004. – С. 106-109.
15. Визуальные неологизмы: новая графика «старых» слов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Филология. Вып. 1 (6). Н. Новгород: Изд-ННГУ, 2005. – С. 127-132.
16. Сокращённые существительные в современной русской речи: заимствование усечений или усечение заимствований. // *Филологические исследования. Сб. научн. трудов, посв. М.А.Михайлову.* – Н. Новгород: изд-во ННГУ, 2005. – С. 45-52.
17. Параллельное лексическое заимствование как одна из форм иноязычного влияния (на материале современного русского языка) // *Язык. Речь. Речевая деятельность. Межвуз. Сб. научн. трудов.* Вып. 8, часть 2. НГЛУ, 2005. – С. 16-22.
18. Особенности пополнения русской лексики на рубеже XX-XXI веков: заимствование словообразовательных гнезд. // *Mokslini u straipsni u rinkinys "Zmogus kalbos erdveje",* Nr. 4. VU leidykla, Kaunas, 2005 - S. 78-84.
19. Заметки об основных формах лексического заимствования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Филология. Вып. 1 (7). Н. Новгород: Изд-ННГУ, 2006. – С. 35-38.
20. Теоретические основы неологии и их освещение в современной научной литературе // *Научное наследие Б.Н.Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сборник статей по материалам Междунар. научной конференции* – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – С. 249-252.
21. Особенности формирования новых словообразовательных гнезд в современном русском языке (нормативный аспект) // *Русский язык сегодня.* Вып. 4. Проблемы

- языковой нормы. Сб. статей / Инс-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН – М., 2006. – С. 371-383.
22. Особенности формальной адаптации иноязычной лексики в современном русском языке // *Res philologica: Учёные записки Северодвинского филиала Поморского гос. ун-та*. Вып. 5. – Архангельск: изд-во Поморского ун-та, 2007. – С. 173-177.
23. Усечённые субстантивы в современной русской речи: «своё» и «чужое» // *Язык в движении: К 70-летию Л.П.Крысина*. – М., 2007. – С. 117-125.
24. Латиница в русском письме: проблема графического заимствования // *Жизнь языка: Памяти М.В. Панова / Отв. ред. Е.А.Земская, М.Л.Каленчук*. – М., 2007. – С. 323-334.
25. Скрытое заимствование в современном русском языке: проблема описания // *Русистика*. – К.: изд-во ВПЦ «Киевский ун-т», 2007. – С. 12-15.
26. Словообразовательная деривация на базе новых иноязычных слов как источник новых номинаций // *Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки*. Вып. 4 (60). – Тамбов: Изд-во Тамбовск. ун-та, 2008. – С. 205-209.
27. Проблема этимологической интерпретации слов-гибридов (на материале современного русского языка) // *Лингвистика*. – М.: Изд-во РУДН, 2008. Вып. 4.
28. Деэзотизация лексики как источник семантического обновления русского языка на рубеже XX-XXI веков // *Русский и иностранный языки и методика их преподавания*. Вып. 2. – М.: Изд-во РУДН, 2008.
29. Иноязычное слово как компонент новых фразеологических единиц // *Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н.И.Лобачевского*. Вып. 4. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2008. (в печати).